

старания Сталина, чем дальше, тем все безнадежнее проигрывали. Сталин злился, в конце концов бросил кий и прервал игру, перед этим выругав соперников: „Ну, где нам с ними играть? Смотрите, какие они бандиты. Это же бандиты. Вы посмотрите на них, какие они“. За этими словами слышался еще и призыв посмотреть на то, какие они здоровые, толстые бугаи»¹⁸⁷.

По словам Орлова, с одобрения Хозяина утвердился обычай: проигравшие вне зависимости от чина сидели под бильярдным столом. Чаще других туда попадал Хрущев, поскольку игроком он был неважным. В таких случаях Сталин говорил «Миките»: «Даже играть не умеешь, а республикой руководить хочешь?»

Свидетельство Орлова дополняет В. Ф. Аллилуев. Обычай играть «на пролаз» сложился еще до войны, на даче в Зубалове. «...Проигравший должен был лезть под бильярдный стол, — пишет Владимир Федорович в мемуарах, — но обычно вместо взрослых ползали дети. Мои старшие братья рассказывали мне, что как-то была большая игра. Сталин играл в паре с Павлом, а дед в паре с моим отцом. Партию выиграли дед с отцом, но вместо Сталина и Павла под стол полезли мои братья. Старшая дочь Павла Кира, к его неудовольствию, сильно возмущалась этим, считая, что взрослые сами должны отдуваться за проигрыш, а Сталина Кирино негодование

позабавило, он смеялся»¹⁸⁸. Как видно, вождь распространил семейную традицию на своих соратников — сказалося его постоянство в привычках.

Естественно, даже во время игры Сталин не мог полностью отрешиться от дел. Очевидцы свидетельствовали, что за бильярдом вождь часто обсуждал с партнерами политические, хозяйственные, кадровые и другие проблемы.

Следует отметить, что в 1941 году вопреки инструкциям и уговорам охраны и коменданта дачи Сталин часто не уходил в укрытие во время бомбардировок, а, напротив, наблюдал за налетами вражеской авиации на Москву с солярия. Однажды, когда генерал Власик в очередной раз упрашивал Хозяина спуститься в бункер, тот сказал: «Не бойся, наша с тобой бомба еще не летит».

После окончания Второй мировой войны, в связи с угрозой атомных бомбардировок, бункер был оснащен всем необходимым для того, чтобы жить в нем продолжительное время. В техническом помещении бомбоубежища и сегодня сохранилось все установленное при жизни Хозяина оборудование, причем оно исправно функционирует. Например, дизель-генератор выпуска 1939 года можно запустить и сейчас. Естественно, не стоит удивляться тому, что все было сделано на высочайшем уровне.

Террасы, веранды, второй этаж

В Главном доме множество веранд и террас — и на первом, и на втором этаже. Они окружают дом по всему периметру. По главному фасаду, с севера, — две террасы: одна поменьше, у комнаты № 1, вторая, в несколько раз больше, у Малой столовой. Попасть на большую террасу можно по ступенькам со двора и собственно из Малой столовой. Как вы помните, вождь любил выходить сюда с винчестером и постреливать в надоедливых ворон. Здесь стоят стол, дюжина стульев, плетеный лежак с подушкой и тюфячком и маленький столик для посуды. На левом барьере северной террасы и на подоконниках Малой столовой обслуживающий персонал расставлял цветы. На одном из подоконников к услугам вождя была непременная пепельница. Рядом, в наружной стене, была вмонтирована белая кнопка для

вызова охраны. На тенистой северной террасе Сталин чаще всего бывал в жаркие дни. Чтобы дышалось легче, он сам поливал дощатый пол холодной водой из шланга.

Когда к вождю привозили Василия и Светлану, он, бывало, проводил с ними время здесь, на свежем воздухе. Самые известные фотографии Сталина с детьми сделаны Власиком именно на северной террасе.

К Малой столовой примыкает и застекленная восточная веранда. Войдем в нее с северной террасы, через высокие двустворчатые двери. В Малую столовую ведут такие же большие двери, но с тамбуром. Освещает веранду светильник с большим круглым абажуром. Несмотря на обилие мебели, она не выглядит загроможденной, ведь ее площадь составляет около 50 м². Здесь поместились большой стол, три маленьких столика с пепельницами,

Бильярдный стол работы А. П. Чемоданова.

тахта, два кресла, двенадцать стульев и два шезлонга. Летом и осенью интерьер дополняли букеты свежесрезанных цветов. Несмотря на то что веранда не отапливалась, Хозяин нередко работал на ней даже зимой, облачившись в доху на беличьей подкладке. Здесь он читал документы, прессу и всевозможную корреспонденцию.

«В конце марта 1944 г., когда Генштаб развернул работу над планами операций на северном фланге советско-германского фронта, в Москве стояли погожие весенние дни. Для нас же, генштабистов, время было, прямо скажу, горячим... Работы, понятно, было по горло, и нам не удавалось даже вдохнуть живительный воздух весны полной грудью. Я был счастливее моих товарищей, поскольку каждый день с А. И. Антоновым совершал недолгие поездки на автомашине в Кремль да более продолжительные — на «ближнюю» дачу к И. В. Сталину в Кунцево.

Выезжать к Верховному Главнокомандующему мне приходилось иногда и в одиночку, поскольку И. В. Сталин нередко интересовался состоянием работы над той или иной операцией или требовалось срочно заменить карты, кото-

рые лежали у него на столе. Вот так было и в конце марта. А. И. Антонов передал мне приказание И. В. Сталина через три часа прибыть на «ближнюю». «„Хозяин“ хочет еще раз посмотреть карты с замыслом операций на северном фланге, — добавил он, — свезите их ему». Я собрал нужные материалы, внимательно посмотрел их и к назначенному времени отправился в Кунцево. По пути продумал еще раз сообщения Генштаба, которые Верховный Главнокомандующий в основном уже одобрил...

...Прихожая была пуста. Стояла глубокая тишина. Я открыл дверь в столовую. Никого... Потолкался на месте, кашлянул в кулак, чтобы привлечь к себе внимание обитателей дома. Опять никого... Вот тебе и вызов на доклад! Не было еще случая, чтобы И. В. Сталин не принял человека, если вызывал к себе.

Неожиданно открылась дверь направо, ведущая в коридор, и появилась фигура в овчинном тулупе до пят с высоко поднятым воротником. Из-под полы тулупа виднелись поднятые вверх носы больших черных валенок, подшитых толстым войлоком.

Восточная веранда и северная терраса, за ними, справа по фасаду, главный вход.

Фигура, от которой исходил крепкий запах леса, похлопала рукавом тулупа и сказала голосом И. В. Сталина: „Сейчас, товарищ Штеменко, войдите в кабинет. Я буду через минуту...“

Теперь все стало ясно: Сталин имел обыкновение отдыхать в зимние дни на веранде, он лежал там в валенках, меховой шапке-ушанке, плотно завернувшись в широкий овчинный тулуп. Оказывается, я попал как раз в такое время»¹⁸⁹.

Если Штеменко стало все ясно, то читателям его мемуаров — вряд ли. Допустим, генерал осмелился без приглашения Хозяина пройти из прихожей в Малую столовую. Но тогда непонятно, о какой двери справа и каком коридоре он пишет: дверь на веранду находится напротив входа в Малую столовую, а коридоров между верандой и террасами нет. Если же Штеменко оставался в вестибюле, то все запутывается еще сильнее. Единственный коридор Главного дома не отделен от прихожей дверью. Южная же веранда, расположенная в той же части дома, что и коридор, была построена только в 1945 году.

На восточной террасе с высоким барьером, отделенной от застекленной веранды двуствор-

чатыми дверями, Сталин любил бывать и зимой, и летом. В теплое время года здесь устанавливали шезлонги, на которых вождь мог и подремать. Зимой генсек прогуливался по террасе в тулупе или меховой дохе, в лисьей шапке, в подшитых войлоком валенках. Вождь не просто дышал свежим воздухом — не брезговал он и физическим трудом: брал деревянную лопату и раскидывал снег, расчищая на полу террасы дорожку для прогулки. Площадь террасы составляла больше ста квадратных метров. После такой интенсивной прогулки наверняка чувствовалась приятная легкая усталость. Если же Хозяину хотели помочь сотрудники охраны или обслуживающий персонал «Ближней», он всегда говорил: «Нет, нет, я сам».

Теперь перейдем на террасу, примыкающую к Большому залу с запада. Ее называли «террасой под лестницей», поскольку в свое время рядом располагалась ведущая на второй этаж лестница (она была демонтирована во время очередной реконструкции Главного дома). Как и на соседней веранде, тут стоял прямоугольный обеденный стол со стульями, два круглых столика

и диван. Летом Сталин часто здесь обедал или просто пил чай. Дочь вождя вспоминала: «Особенно он любил в последние годы маленькую западную терраску, где видны были последние лучи заходящего солнца. Она выходила в сад; сюда же в сад, прямо в цветущие вишни, выходила и застекленная веранда, пристроенная в последние годы»¹⁹⁰.

О сталинских посиделках на свежем воздухе вспоминали и гости вождя. Вновь обратимся к запискам Штеменко: «Уже после войны, в один из летних дней 1949 года, на „ближней“ даче у Сталина должен был обсуждаться вопрос укрепления противовоздушной обороны страны. Министр — А. М. Василевский — был в отпуске, и на заседание поехали В. Д. Соколовский, который оставался за министра, и автор этих строк, бывший тогда начальником Генерального штаба.

Когда мы приехали, И. В. Сталин и члены Политбюро на открытом балконе дачи вели разговор о строительстве новых заводов тяжелой промышленности за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке, о проблеме рабочей силы в связи с этим. В ходе разговора И. В. Сталин вдруг спросил:

— А как думает молодой начальник Генерального штаба, почему мы разбили фашистскую Германию и принудили ее капитулировать?

Я был готов к докладу по ПВО, мысли мои вертелись вокруг этого вопроса. К тому же не вполне было ясно, в каком направлении шла беседа до нашего прибытия. Поэтому, встав, я несколько помедлил с ответом. И. В. Сталин тоже встал, пыхтя трубкой, подошел ко мне и сказал: „Мы слушаем“.

Терпеливо выслушав меня до конца, И. В. Сталин заметил:

— Все, что вы сказали, верно и важно, но не исчерпывает всего объема вопроса. Какая у нас была самая большая численность армии во время войны?

— Одиннадцать миллионов человек с небольшим.

— А какой это будет процент к численности населения?

Быстро прикинув в уме численность населения перед войной — 194 млн, я ответил: около 6 процентов.

— Правильно. Но это опять-таки не все. Нужно учесть и наши потери в вооруженных силах, потому что убитые и погибшие от ран люди тоже входили в численность армии...

Учили и это.

— А теперь, — продолжал Сталин, — давайте подсчитаем, как обстояло дело у Гитлера, имевшего с потерями более чем 13-миллионную армию при численности населения в 80 миллионов человек.

Подсчитали — оказалось — более 16 процентов.

— Такой высокий процент мобилизации — это или незнание объективных закономерностей ведения войны или авантюризм. Скорее, последнее, — заключил Сталин. — Опыт истории, общие законы ведения войны учат, что ни одно государство не выдержит столь большого напряжения: некому будет работать на заводах и фабриках, растить хлеб, обеспечивать народ и снабжать армию всем необходимым. Гитлеровский генералитет, воспитанный на догмах Клаузевица и Мольтке, не мог или не хотел понять этого. В результате гитлеровцы надорвали свою страну. И это несмотря на то, что в Германии работали сотни тысяч людей, вывезенных из других стран...

Немецкие правители дважды ввергали Германию в войну и оба раза терпели поражение, — продолжал Сталин, шагая по балкону. — Подрыв жизнеспособности страны в Первой и Второй мировых войнах был одной из причин краха... А какой, между прочим, процент населения был призван кайзером в Первую мировую войну, не помните?

Все промолчали. Сталин отправился в комнату и через несколько минут вышел с какой-то книгой. Он полистал ее, нашел нужное место и сказал:

— Вот, девятнадцать с половиной процента населения, которое составляло в 1918 году 67 миллионов 800 тысяч.

Он захлопнул книгу, и снова, обратившись ко мне, сказал примерно следующее:

— Второе, о чем вы упомянули немножко однобоко, это о наших замечательных кадрах руководителей. Нужно сказать, что они у нас были не только на фронте, но и в тылу. Нельзя забывать, что объективные возможности составляют лишь предпосылки победы. Они очень важны, но сами по себе не могут обеспечить разгром врага, если их не привести в действие и не использовать организованно. Роль организатора и руководителя принадлежит партии, только ей. Война — суровое испытание. Она выдвигает сильных, смелых, талантливых людей. Одаренный человек покажет себя в войне за несколько

месяцев, на что в мирное время нужны годы. У нас в первые же месяцы войны проявили себя замечательные военачальники, которые в горниле войны приобрели опыт и стали настоящими полководцами.

И он начал на память перечислять фамилии командующих фронтами, армиями, партизанских вожаков.

— А в тылу? Разве смогли бы сделать другие руководители то, что сделали большевики? Вырвать из-под носа неприятеля целые фабрики, заводы, перевезти их на голые места в Поволжье, за Урал, в Сибирь и в невероятно тяжелых условиях в короткое время наладить производство и давать все необходимое фронту! У нас выдвинулись свои генералы и маршалы от нефти, металлургии и транспорта, машиностроения и сельского хозяйства. Наконец, есть полководцы науки. О них тоже нельзя не сказать...

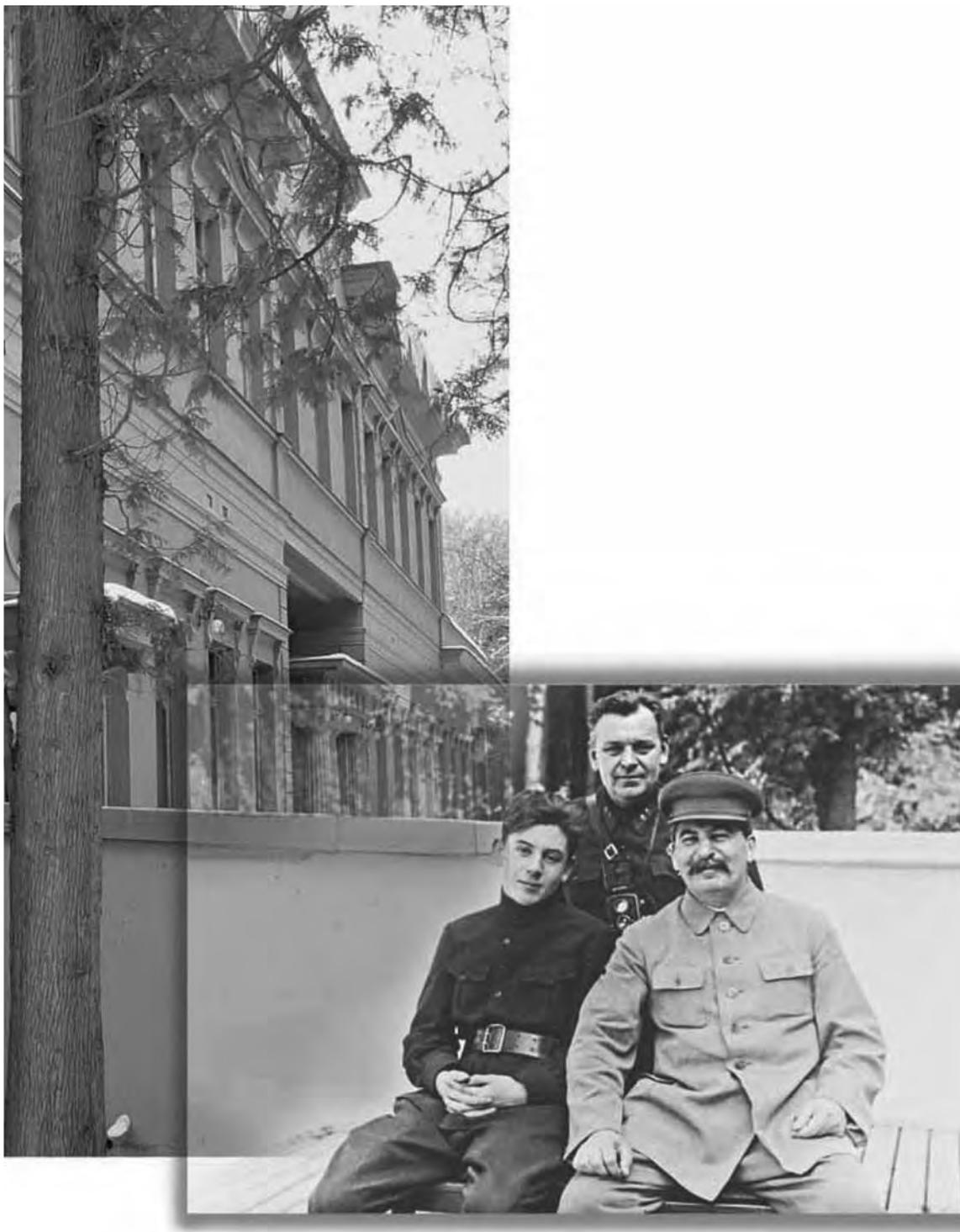
Не торопясь, без запинки он стал называть фамилии ученых, деятелей промышленности, сельского хозяйства. Потом, помолчав некоторое время, добавил:

— На Гитлера работали сотни тысяч людей, вывезенных в Германию и превращенных, по существу, в рабов. И все-таки он не смог в достатке обеспечить свою армию. А наш народ сделал невозможное, совершил великий подвиг»¹⁹¹.

Описанная Штеменко сцена весьма характерна. Именно в таких беседах вождь задавал «генеральную линию», которой «подданным» следовало придерживаться в трактовке каких-либо политических, идеологических и прочих вопросов. Безусловно, вопрос о соотношении сил СССР и Германии и о подходах к ведению войны был весьма важен именно в идеологическом отношении. Однако, проводя этот своеобразный инструктаж, Сталин — намеренно или по ошибке — грубо нарушил принципы статистики, суммировав два параметра различных категорий: численность армии на конкретный момент времени и общие людские потери за все время войны. В итоге полученные цифры не имеют никакого отношения к реальности. Отметим, кстати, что, упоминая о потерях, Штеменко весьма краток — он обозначает лишь сам

Терраса перед окнами спальни и ванной комнаты.

Сталин с сыном Василием и генералом Власиком на северной террасе.

факт того, что потери были учтены, ни словом не обмолвившись о том, какими же они были.

Продемонстрировал вождь безграмотность и в вопросах военной истории, объединив в одной фразе Клаузевица и Мольтке. Ведь они являются представителями разных военных школ,

более того, разных эпох. Кроме того, невозможно говорить о каких бы то ни было «догмах» Мольтке, поскольку тот, в отличие от Клаузевица, не был теоретиком военной науки.

Вообще, слова Сталина о том, что немецкие генералы, проводя тотальную мобилизацию,

опирались на идеи вышеупомянутых военных деятелей, не соответствуют действительности. Ведь если следовать идеям Клаузевица, то война готовится долго, неспешно и обстоятельно и столь же неторопливо и основательно ведется. Ни о каком экономическом авантюризме не может идти и речи. Как раз то, что вождь называл общими законами ведения войны и противопоставил «догмам», якобы затверженным германским генералитетом, и является квинт-эссенцией теории Клаузевица. Мольтке же был сторонником молниеносных военных действий, когда победа достигается прежде, чем наступит военное истощение, какового ни в коем случае нельзя допустить, — то есть и он был далек от раскритикованных Сталиным подходов.

Как мы уже упоминали, второй этаж Главного дома был надстроен в 1943 году. Предполагалось, что там будут жить гости главы Советского государства. Именно поэтому для второго этажа спроектировали большие по размеру жилые комнаты, нежели на первом этаже: площадь спальни составляет 75,5 м², а столовой — 120 м².

Выйдя из лифта, мы попадаем в коридорчик с тремя окнами. Направо — двустворчатая дверь, за ней тамбур. Миновав его, оказываемся в проходной комнате, по меркам «Ближней» небольшой — всего 21 м². Слева от нас — выход на закрытую западную веранду, прямо — дверь в ванную комнату, совмещенную с туалетом.

Бывало, в этих комнатах останавливались, приезжая в Москву, руководители братских компартий. Особенно долго, как вспоминал Орлов, на «Ближней» гостил Мао Цзэдун¹⁹².

Лидер китайских коммунистов неоднократно собирался встретиться со Сталиным, но смог посетить Москву лишь после победы над Чан Кайши. Начавшаяся после поражения Японии во Второй мировой войне гражданская война несколько лет велась с переменным успехом. К концу 1948 года Народно-освободительная армия Китая, руководимая китайскими коммунистами, оттеснила гоминьдановские войска из северных провинций. Чан Кайши попытался заключить перемирие и предложил правительствам США, Великобритании, Франции и Советского Союза выступить посредниками в переговорах между Гоминьданом и КПК.

* * *

Как и Малая столовая, спальня не перестраивалась с 1938 года. Ее площадь составляет 61,5 м². Потолок, как и в других комнатах,

кессонированный, стены обшиты деревянными панелями. Паркетный пол застелен большим красным ковром. В спальне 8 окон — четыре в южной стене и четыре в восточной. Все они занавешены плотными шторами. Освещается комната трехрожковой люстрой и четырьмя бра по углам. Обратите внимание на одну особенность: рожки у бра обращены вниз. Это объясняется тем, что спальня в 1951 году, в отличие от других комнат, не перестраивалась и светильники в ней остались прежними.

В последние годы жизни Хозяин использовал комнату в качестве гардеробной. Здесь он переодевался, готовясь к отъезду с «Ближней», и оставлял вещи, которые носил, находясь на даче. Справа от входа стоит двухстворчатый ореховый платяной шкаф с большим зеркалом на одной из дверей. Давайте заглянем в шкаф вождя. При жизни Сталина в правом отделении висела на плечиках военная и штатская одежда: два кителя, две пары брюк на подтяжках, толстовка и два серых френча с накладными карманами. Эти френчи генсек носил не только на даче — именно в них он часто появлялся на публике: во время рабочих встреч, на кремлевских приемах и даже на съездах партии.

Слева в том же отделении висел плащ светло-серого цвета и летнее пальто покроя «реглан». Внизу лежали еще две пары брюк.

В левом отделении шкафа — полки. При жизни Сталина все они, кроме первой и пятой, были застелены салфетками. На верхней полке лежали две шляпы — серая и коричневая. На второй — две стопки носовых платков, клетчатых и белых с каймой. На третьей полке — четыре пары батистовых кальсон и еще несколько платков, на четвертой — батистовые нижние рубашки и две верхних рубашки с манишкой, воротником и манжетами из светло-серого крепдешина. В ящике под полками хранилось несколько пар запасных тапочек.

Гардероб Сталина свидетельствует о консервативности его вкусов в одежде. Вождь в основном придерживался сложившегося в годы Гражданской войны образа. Более того, многие полюбившиеся вещи он носил подолгу. Об этом свидетельствует в своем дневнике М. А. Сванидзе: «...вдруг по коридору прошел он, в летнем пальто, несмотря на холодную сырую погоду (он с трудом всегда меняет по сезонам одежду, долго носит летнее, к которому очевидно привыкает, и та же история весною и также с костюмами, когда они снашиваются и надо надеть новый)»¹⁹³.

Теперь мы знаем, что стремление Сталина носить разношенную легкую обувь связано с особенностями анатомического строения его ступней и болезнями. В медицинской карте вождя есть запись: «Срачивание пальцев левой ноги», а в акте патологоанатомического вскрытия значится: «Пальцы правой стопы (первый и второй) слегка разогнуты. Ногти на первом и на втором пальцах стоп утолщены, коротки, сморщены, буроватого цвета. Ногти прочих пальцев стоп бледны и тонки». Здесь мы находим рациональное объяснение одной из легенд о неприязнательности вождя: Сталин занасивал обувь до дыр не из скромности, а из опасения, что новая будет причинять боль. В силу своего характера такое глубоко личное дело, как разношивание обуви, сын грузинского сапожника не мог доверить никому. «Ботинки носил до последней возможности. Другую, новую, разношенную обувь надевать отказывался из-за больных ног — мешали сросшиеся пальцы на ступне... У англичан принято, чтобы новую обувь для хозяина разношивали слуги — у нас этого не было», — вспоминал Соловьев.

Сообщение о начале войны вождь, скорее всего, получил именно в спальне.

Широкою известность в свое время получило описание этого события, приведенное в воспоминаниях Жукова. «Нарком приказал мне звонить И. В. Сталину, — читаем в мемуарах маршала. — Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос генерала Власика, начальника управления охраны.

— Кто говорит?

— Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

— Что? Сейчас?! — изумился начальник охраны. — Товарищ Сталин спит.

— Будите немедленно: немцы бомбят наши города, началась война.

Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили.

— Подождите.

Минуты через три к аппарату подошел И. В. Сталин. Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И. В. Сталин молчит. Слышу лишь его тяжелое дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание.

— Будут ли указания? — настаиваю я.

Наконец, как будто очнувшись, И. В. Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит по ВЧ с Киевским округом.

— Поезжайте с Тимошенко в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызывал всех членов Политбюро»¹⁹⁴.

Считается, что приведенный диалог принадлежит перу самого Жукова, но при подготовке прижизненного издания мемуаров подвергся редакторской правке. Из этого делается вывод о достоверности данного эпизода. Однако некоторые детали позволяют усомниться в том, что процитированное описание полностью соответствует действительности. Сомнительным выглядит присутствие ночью на «Ближней» Власика, который к тому же сам, после длительной задержки, отвечает на телефонный звонок. Как мы уже рассказывали, в служебном доме «Ближней» у телефона постоянно дежурили офицеры охраны, и, разумеется, дежурный ответил бы на звонок сразу.

Достоверно известно одно: заседание Политбюро в кремлевском кабинете Сталина началось в 5:45 утра 22 июня. Вслед за вождем туда вошли Молотов, только что побеседовавший с германским послом Шуленбургом, а также Берия, Тимошенко, Мехлис и Жуков.

Жуков утверждал, что Сталин считал начавшиеся военные действия всего лишь провокацией немецких генералов. «Сообщение о том, что немецкие войска на ряде участков уже ворвались на нашу территорию, не убедило его в том, что противник начал настоящую и заранее подготовленную войну. До 6 часов 30 минут он не давал разрешения на ответные действия и открытие огня, а фашистские войска тем временем, уничтожая героические сражавшиеся части пограничной охраны, вклинились в нашу территорию, ввели в дело свои танковые войска и начали стремительно развивать удары своих группировок»¹⁹⁵.

Составленная собравшимися в кабинете вождя директива № 2 наркома обороны¹⁹⁶ предписывала уничтожить силы вторгшегося врага, но самим границы не переходить. Такой приказ свидетельствует о еще теплившейся у Сталина надежде на возможность избежать войны в навязанном ему «формате». В войска директива была направлена в 7 часов 15 минут и в сложившейся ситуации никакой роли сыграть не могла.

Вот что вспоминал о первом дне войны сотрудник сталинской охраны В. Туков: «В 4:30 утра шофер П. Митрюхин подал машину Сталину к главному подъезду на даче. Сталин

вышел в сопровождении В. Румянцева, сел в машину и поехал в Кремль. В 12:00 Сталин приехал на дачу завтракать. Мы в это время в основной машине по приемнику слушали выступление В. Молотова о начале войны.

Сталин за эти дни почернел, осунулся, но не забывал отвечать на наше приветствие. Внешне он был спокоен...»¹⁹⁷.

Рассказ Тукова не вполне соответствует действительности — вряд ли Сталин завтракал на «Ближней». Вновь откроем журнал, в котором фиксировались фамилии посетителей сталинского кабинета, и прочтем запись за 22 июня. В 7 часов 30 минут к собравшимся присоединились Маленков и Вышинский, а еще через полчаса — Микоян, Каганович и Ворошилов. В 8:40 на инструктаж явились Димитров¹⁹⁸ и Мануильский¹⁹⁹, возглавлявшие Исполком Коминтерна. К тому моменту, как Молотов поехал на Центральный телеграф выступать с речью, в кабинете вождя посетителей не осталось: Ворошилов вышел вместе с Молотовым, Берия и Маленков — за пять минут до них, а остальные ушли еще раньше. Однако Вячеслав Михайлович вернулся уже через 20 минут, в 12:25, а через 5 минут в кабинет снова вошли Ворошилов с Микояном. Конечно, нам известно, что дорога на дачу занимала не более десяти минут, а обслуживающий персонал держал все необходимое для трапезы наготове. Но все-таки времени на завтрак в этом случае практически бы не осталось, поэтому логичней предположить, что Сталин перекусил, не покидая Кремля.

Безусловно, в первые дни войны Сталин действительно курсировал между «Ближней» и Кремлем, ведь ежедневно он вызывал туда членов Политбюро, военных, конструкторов. Это документально подтверждено журналом записи лиц, принятых Сталиным в кремлевском кабинете. Напряженную работу прервал срыв, о котором мы уже вам рассказывали в главе, посвященной Малой столовой.

Со сталинской спальней связано и одно из важных событий конца войны: именно в этой комнате Сталин получил информацию о смерти Гитлера. Вождь большевиков узнал о самоубийстве вождя нацистов от Жукова. В 3 часа 50 минут 1 мая на командный пункт 8-й гвардейской армии доставили парламентаря. Им был начальник генштаба сухопутных сил генерал Кребс²⁰⁰. Генерал был уполномочен вести переговоры о перемирии и сообщил, что фюрер покончил с собой. В 4 часа командарм Чуйков²⁰¹ доложил

обо всем Жукову. Тот сразу же связался со Сталиным и услышал в ответ: «Доигрался, подлец. Жаль, что не удалось взять его живым». Тут же вождь поинтересовался, где труп. Жуков доложил, что, по утверждению Кребса, труп Гитлера сожжен на костре.

3 мая Сталину стали известны и подробности. Жуков и Телегин²⁰² прислали по ВЧ шифротелеграмму об обнаружении трупов генерала Кребса и семьи Геббельса²⁰³.

Полученные сведения вождь по какой-то причине не передал союзникам. Напротив, почти месяц спустя, 26 мая, на встрече с представителем Трумэна Гопкинсом, Сталин утверждал, что Гитлеру, Геббельсу, Борману и, вероятно, Кребсу удалось покинуть Берлин и скрыться. Впоследствии аналогичные заявления генсек делал неоднократно, несмотря на то что уже получил от подчиненных доклады о результатах опознаний и протоколы допросов охранников, врачей, шеф-повара рейхсканцелярии и дантиста фюрера. 9 июня версию Сталина об участии Гитлера публично повторил и Жуков. На пресс-конференции маршал заявил: «Опознанного трупа Гитлера мы не нашли. Сказать что-либо утвердительно о судьбе Гитлера я не могу. В самую последнюю минуту он смог улететь из Берлина, так как взлетные дорожки позволяли это сделать»²⁰⁴. Очевидно, подобное заявление Жуков не мог сделать по собственной инициативе. Какие цели преследовал Сталин, скрывая от союзников доказательства того, что Гитлер мертв, неизвестно. Документальных свидетельств его намерений пока не выявлено. В последнее время распространяется версия, согласно которой Сталин узнал от глубоко законспирированных агентов, подотчетных лично ему, о том, что Гитлеру удалось эвакуироваться из осажденного советскими войсками Берлина, а отравлен и сожжен был его двойник. Однако документов, подтверждающих эту версию, не приводится.

* * *

И вот мы в Большом зале. На множестве известных фотографий эта гигантская, площадью 155 м², комната предстает перед нами во всем ее величии. Фотографы, сделавшие эти кадры, располагались у дверей в прихожую. Объектив захватывал три восьмирожковых люстры, дорогое дерево потолка и стен, подсвеченное восемью двойными бра. Высокие, почти под самый потолок, окна занавешены белыми шторами.

Длинный стол с массивными ножками на громадном ковре в центре зала окружен двумя десятками стульев. Дальняя стена завершает зал полукругом. Вдоль боковых стен диваны и кресла с серо-голубой обивкой.

Вызвав звонком подавальщицу, генсек требует завтрак. Уточняя, где накрывать, Матрена Бутусова спрашивает: «В Большой столовой?» Хозяин поправляет забывшуюся официантку²⁰⁵. Накрывают ему, как он любит, на краешке гигантского стола.

За этим же столом генсек пировал с соратниками и зарубежными гостями. Описание сталинских застолий оставили многие современники: Микоян и Хрущев, Конев и Штеменко, Ильичев²⁰⁶ и Чадаев, Джилас и Ракоши... Расходясь в деталях, они живописуют сходные картины.

В общественном сознании бытуют два мифа. Согласно одному, генсек пил давно и беспробудно. Другой миф рисует образ вождя-трезвенника. Давайте обратимся к свидетельствам очевидцев и попробуем разобраться, что же было на самом деле.

Дадим слово Штеменко, впервые попавшему на «Ближнюю» в годы войны. «Обед у Сталина, даже очень большой, всегда проходил без услуг официантов. Они только приносили в столовую все необходимое и молча удалялись. На стол заодно выставлялись и приборы, хлеб, коньяк, водка, сухие вина, пряности, соль, какие-то травы, овощи и грибы. Колбас, ветчин и других закусок, как правило, не бывало. Консервов он не терпел.

Первые обеденные блюда в больших судках располагались несколько в стороне на другом столе. Там же стояли стопки чистых тарелок.

Сталин подходил к судкам, приподнимал крышки и, заглядывая туда, в слух говорил, ни к кому, однако, не обращаясь:

— Ага, суп... А тут уха... Здесь щи... Нальем щей, — и сам наливал, а затем нес тарелку к обеденному столу.

Без всякого приглашения то же делал каждый из присутствовавших, не зависимо от своего положения. Наливали себе кто что хотел. Затем приносили набор вторых блюд, и каждый так же сам брал из них то, что больше нравится. Пили, конечно, мало, по одной-две рюмки. В первый раз мы с Антоновым²⁰⁷ не стали пить совсем. Сталин заметил это и, чуть улыбнувшись, сказал:

— По рюмке можно и генштабистам.

Вместо третьего чаще всего бывал чай. Наливали его из большого, кипящего самовара,

стоявшего на том же отдельном столе. Чайник с заваркой подогревался на конфорке.

Разговор во время обеда носил преимущественно деловой характер, касался тех же вопросов войны, работы промышленности и сельского хозяйства. Говорил больше Сталин, а остальные лишь отвечали на его вопросы. Только в редких случаях он позволял себе затрагивать какие-то отвлеченные темы²⁰⁸.

Порядок самообслуживания и отсутствие официантов, сервировку стола и длительность трапез — все это подтверждает Джилас, впервые столовавшийся у генсека в 1944 году. «В просторной, без украшений, но отделанной со вкусом столовой на передней половине длинного стола были расставлены разнообразные блюда в подогретых и покрытых крышками тяжелых серебряных мисках, а также напитки, тарелки и другая посуда. Каждый обслуживал себя сам и садился куда хотел вокруг свободной половины стола. Сталин никогда не сидел во главе, но всегда садился на один и тот же стул: первый слева от главы стола.

Выбор еды и напитков был огромным — преобладали мясные блюда и разные сорта водки. Но все остальное было простым, без претензии. Никто из прислуги не появлялся, если Сталин не звонил, а понадобилось это только один раз, когда я захотел пива. Войти в столовую мог только дежурный офицер. Каждый ел, что хотел и сколько хотел, предлагали и понуждали только пить — просто так и под здравицы.

Такой ужин длился по шести и более часов — от десяти вечера до четырех-пяти часов утра. Ели и пили не спеша, под непринужденный разговор, который от шуток и анекдотов переходил на самые серьезные политические и даже философские темы...

На этих ужинах советские руководители были наиболее близки между собой, наиболее интимны. Каждый рассказывал о новостях своего сектора, о сегодняшних встречах, о своих планах на будущее. Богатая трапеза и большое, хотя не чрезмерное, количество алкоголя оживляли дух, углубляли атмосферу сердечности и непринужденности. Неопытный посетитель не заметил бы почти никакой разницы между Сталиным и остальными. Но она была: к его мнению внимательно прислушивались, никто с ним не спорил слишком упрямо — все несколько походило на патриархальную семью с жестким хозяином, выходок которого челядь всегда побаивалась²⁰⁹.

Две террасы второго этажа, прямо — двери в спальню.

Ракоши и особенно Джилас, менее скованные в оценках, нежели Штеменко, сообщают любопытные детали. Первый подчеркивал непринужденную обстановку застолий: «...рассказывались анекдоты, нередко даже сальные, под громкий смех присутствующих». Лидеру венгерских коммунистов даже удалось удивить сталинское окружение: однажды они безуспешно попытались его напоить.

Джилас упоминал о самых фантастических предложениях, под которыми генсек заставлял своих сотрапезников напиваться²¹⁰. Каждый из присутствовавших должен был назвать температуру воздуха на улице, а затем в виде штрафа выпить столько стопок водки, на сколько градусов он ошибся. «Сталин и раньше любил хорошо поест, но теперь он проявлял такую прожорливость, словно боялся, что ему не достанется любимое блюдо. Пил же он сейчас, наоборот, меньше и осторожнее, как бы взвешивая каждую каплю, — чтобы она не повредила... Непостижимо, насколько он изменился за два-три года. Когда я видел его в последний раз, в 1945 году, он был еще подвижным, с живыми и свежими мыслями, с острым юмором... Сейчас он смеялся над бессмысленными и плоскими шутка-

ми, а политический смысл, рассказанного мною анекдота, в котором он перехитрил Черчилля и Рузвельта, не только до него не дошел, но мне показалось, что он по-старчески обиделся, — на лицах присутствующих я увидел неловкость и озадаченность.

В одном лишь он был прежним Сталиным: резкий, острый, подозрительный при любом несогласии с ним. Он прерывал даже Молотова, и между ними чувствовалась напряженность. Все ему поддакивали, избегая излагать свое мнение прежде, чем он выскажет свое, спешили с ним согласиться»²¹¹.

Если сопоставить приведенные выше рассказы с описаниями сталинских застолий, которые оставили Мария Анисимовна Сванидзе и Микоян, то вырисовывается следующая картина. Увеличивший после смерти жены потребление спиртного вождь с годами постепенно его сокращал. А вот ел, напротив, он все больше и больше. Подтверждают такую оценку и сотрудники охраны вождя. Неизменным осталось одно: генсек по-прежнему продолжал спаивать своих гостей и соратников. Хрущев однажды в порыве откровенности, как это с ним нередко бывало, поведал собравшимся на одном из пленумов

Тамбур и коридор второго этажа.

такой пикантный штрих из придворной жизни: «...я не могу простить, не могу забыть, когда с фронта приедешь к Сталину, стыдно было в машине, в самолете появляться. Там же люди провожают, они не знают, что меня через клизму накачали коньяком и всякой дрянью, но не

пить нельзя. Вот так решались государственные вопросы, а вы говорите — Хрущев несдержанно критикует Сталина. Я не хочу все в кучу свалить, здесь были невероятные мучения для народа»²¹². (Естественно, столь скандальные откровения не могли быть обнародованы более широко, поэто-

му при подготовке стенографического отчета пленума, рассылавшегося по крайкомам и обкомам, помощники Хрущева вычеркнули этот пассаж.) Тито, который, по словам Джиласа, не мог выносить большого количества спиртного, как-то после ужина на «Ближней» заметил: «Не знаю, что за черт с этими русскими, что они так пьют — прямо какое-то разложение!»

Тем не менее было бы упрощением воспринимать сталинские «обеда» только как «пиры Валтасара». Как видим, за трапезой он вел переговоры, в неформальной обстановке обрабатывая гостей-собеседников, выслушивал доклады соратников, обкатывал на них какие-то идеи. Кроме того, поскольку вождю было свойственно держать все, что он считал нужным, под контролем, то по заведенному порядку и во время застолий ему докладывали о том, что требовало его внимания. Например, во время ужина с Джиласом Сталину принесли две телеграммы, с содержанием которых он тут же ознакомился. Одна телеграмма — о югославских делах, вторая — о планируемой на следующий день высадке союзников в Нормандии. Сталин не преминул высмеять задержку открытия второго фронта: де-мол, наверняка союзникам что-нибудь помешает. «Они ведь могут натолкнуться на немцев! — шутил вождь. — Что, если они натолкнутся на немцев? Высадки, может, и не будет, а как до сих пор — обещания».

Джиласу запомнилась твердая убежденность вождя установить на освобожденных от вермахта территориях свои порядки. «В этой войне не так, как в прошлой, а кто занимает территорию, насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему. Иначе и быть не может», — подчеркнул Сталин существенную особенность идущей войны²¹³.

О необычном вызове на «Ближнюю» в канун Нового, 1945 года, рассказал Штеменко. Генсек обставил приглашение со свойственной ему таинственностью: распорядился через Поскребышева, чтоб генштабисты явилась на «Ближнюю» к половине двенадцатого без карт и документов. Генералы, обычно приезжавшие на доклад в более позднее время, по дороге ломали головы, зачем их вызвали, ведь на праздники их никогда раньше не приглашали.

«За несколько минут до двенадцати все вместе прибыли члены Политбюро²¹⁴ и с ними некоторые наркомы. Я запомнил только Б. Л. Ванникова и В. А. Малышева. А всего собралось человек двадцать пять мужчин и одна-един-

ственная женщина — жена присутствовавшего здесь же Генерального секретаря Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти.

...Хозяин не соблюдал строгого ритуала: после нескольких тостов поднялся из-за стола, закурил трубку и вступил в беседу с одним из гостей. Остальные не преминули воспользоваться свободой, разбились на группы, послышался смех, голоса стали громкими.

С. М. Буденный внес из прихожей баян, привезенный с собой, сел на жесткий стул и растянул меха. Играл он мастерски. Преимущественно русские народные песни, вальсы и польки. Как всякий истый баянист, склонился ухом к инструменту. Заметно было, что это любимое его развлечение.

К Семену Михайловичу подсел К. Е. Ворошилов. Потом подошли и многие другие.

Когда Буденный устал играть, Сталин завел патефон. Пластинки выбирал сам. Гости пытались танцевать, но дама была одна, и с танцами ничего не получилось. Тогда хозяин дома извлек из стопок пластинок „Барыню“. С. М. Буденный не усидел — пустился в пляс. Плясал он лихо, вприсядку, с прихлопыванием ладонями по коленям и голенищам сапог. Все от души аплодировали ему.

Гвоздем музыкальной программы были записи песен в исполнении ансамбля профессора А. В. Александрова. Эти песни все мы знали и дружно стали подпевать.

Возвращались из Кунцева уже около трех часов ночи²¹⁵.

Из мемуаров Джиласа известно, что иногда в пляс пускался и сам гостеприимный Хозяин: «Он пытался и танцевать, как на своей родине, — видно было, что он не лишен чувства ритма, но вскоре он остановился, сказав удрученно:

— Стареем, и я уже старик!

Но его помощники — чтобы не сказать бояре — начали его убеждать:

— Ах, нет, что вы! Вы прекрасно выглядите, вы прекрасно держитесь, ей-богу, для ваших лет...»²¹⁶.

Практически все современники отмечали, что генеральный секретарь был в высшей степени требователен и суров, когда речь шла о точном, своевременном и безусловном выполнении его приказов. Сошлемся на наркома вооружений времен войны Устинова. Он рассказывал, как однажды доложил Верховному, что заводами изготовлено 9997 винтовок вместо 10 000 запланированных. В ответ Сталин заявил:

«Если подобный доклад повторится, то наркома Устинова больше не будет»²¹⁷.

Сталинский выдвиженец Малышев так записал впечатления от очередного визита на «Ближнюю» в феврале 1942 года. «На днях был с Котиным²¹⁸ на даче у т. Сталина. Сперва был разговор о танках КВ. Т. Сталин упрекал нас в том, что мы не дали вовремя отпора предложениям по увеличению веса танка КВ. „Мы делали ошибки, в том числе и я, — сказал т. Сталин, — а вы нас не одернули“.

Потом ужинали у т. Сталина и сидели до 8 ч. утра»²¹⁹.

Несколько строчек из дневника наркома дают богатую пищу для размышлений о вожде. Вот какие выводы сделал на основании подобных фактов его главный телохранитель. «Спал он вообще очень мало, а во время войны иногда и совсем не ложился, приляжет днем часа на два и то просит Поскребышева разбудить его при малейшей необходимости... — вспоминал Власик. — Наблюдая за ним в эти трудные годы, я поражался его работоспособности. Как я уже говорил, он очень мало спал, напряжение было огромное, а годы у него были уже немолодые, все это не могло не отразиться в дальнейшем на его здоровье и нервах»²²⁰.

С Власиком безусловно следует согласиться: нервное напряжение тех лет, несоблюдение режима труда и отдыха подорвали здоровье вождя. Попробуем все же поглубже проанализировать малышевскую запись, тем более что мы обещали рассказать об ошибках вождя, которые он допускал в наставлениях конструкторам танков. Прежде всего, бросается в глаза, как Сталин, верный своей манере объявлять других виновными в просчетах, журит Малышева. Но в данном случае нас в первую очередь интересует не это. Давайте посмотрим, что вменяет в вину конструкторам и управленцам Верховный и насколько справедливы его упреки.

Вождь утверждает: танк КВ якобы имеет лишний вес. Откуда взялось это мнение? Известно, что эксплуатация в боевых условиях выявила недостатки ходовой части КВ: она не обеспечивала машине должной маневренности. Вес КВ действительно в определенном смысле оказался слишком велик. Но дело в том, что сам по себе вес для тяжелого танка не столь и значим — до определенных пределов. Если у машины надежный двигатель и хорошая ходовая часть, фактор веса в большинстве случаев не имеет решающего значения.

Судя по дневниковым записям, Малышев не спорит с Верховным, даже не пытается объяснить ему особенности применения тяжелых танков. (Выходит, прав был Конев, когда говорил о том, что вождю можно было втереть очки!) А генсек, так как не хватает специальных познаний, гнет свою линию: танк слишком тяжел, снижайте вес (даже за счет уменьшения толщины брони!) — хотя и требует помимо этого, как видно из последующих записей наркома, модернизировать ходовую часть. В результате КВ так и не доработали как следует: скорость и проходимость возросли, но незначительно, броневая защита серьезно ухудшилась, а новым немецким машинам КВ-1С (так именовался серийный модернизированный КВ) эффективно противостоять не мог. В очередной раз убеждаемся, что в деятельности «вождя всех времен и народов», как у остальных смертных, разумные действия соседствуют с неверными решениями. Разница в цене ошибок: в первом случае она многократно возрастает.

Как видим, «Ближняя» использовалась вождем для работы и отдыха не менее интенсивно, нежели кремлевские апартаменты. Отсюда он так же часто, как из кремлевского кабинета, звонил по ВЧ в обкомы партии, директорам и главным конструкторам ведущих оборонных предприятий, командующим фронтами. Сверхцентрализация управления прослеживается на каждом шагу. Вот еще один из примеров: перед нами телеграмма Сталина от 17 сентября 1941 года.

«СВЕРДЛОВСКОМУ УРАЛМАШЗАВОДУ ДИРЕКТОРУ МУЗРУКОВУ ГЛАВНОМУ ИНЖЕНЕРУ РЫЖКОВУ

Прошу вас честно и в срок выполнять заказы по поставке корпусов для танка КВ Челябинскому тракторному заводу. Сейчас я прошу и надеюсь, что вы выполните долг перед родиной. Через несколько дней, если вы окажетесь нарушителями своего долга перед родиной, начну вас громить как преступников, пренебрегающих честью и интересами своей родины. Нельзя терпеть, чтобы наши войска страдали на фронте от недостатка танков, а вы в далеком тылу прохлаждались и бездельничали.

И. Сталин»²²¹.

Милость могла дароваться столь же быстро, как и опала. Решивший вновь использовать арестованного Ванникова председатель Государ-

Кровать и тумбочка с ночником. Вождь, как и его подданные, любил почитать лежа.

ственного комитета обороны приказал доставить его к себе. В ходе беседы вызвал Поскребышева, продиктовал ему текст постановления ГКО, которое тут же подписал:

«ГКО удостоверяет, что тов. Ванников Борис Львович был временно подвергнут аресту органами НКГБ. Как это выяснилось теперь, по недоразумению, что т. Ванников считается в настоящее время полностью реабилитированным. Т. Ванников Постановлением ЦК ВКП(б) назначен заместителем наркома вооружения и по распоряжению ГКО должен немедленно приступить к работе в качестве зам. наркома вооружения.

20 июля 1941 г.

Председатель ГКО И. Сталин»²²².

* * *

На второй день после смерти Сталина персоналу, обслуживавшему дачу, объявили, что имущество, имеющееся на объекте, должно быть подготовлено к вывозу. Через несколько дней после похорон на «Ближнюю» за своими личными вещами приехал сын генсека. Берии доложили, что Василий забрал велосипед, патефон с пластинками и какие-то мелочи. В тот же день Хрусталив, распорядившийся пропустить его на объект, был арестован²²³.

25 марта Берия, игравший ключевую роль в сформировавшемся властном триумvirате, провел решение, по которому охрана дачи была расформирована, а ее функции отданы вахтерам

из МВД. В апреле был уволен весь обслуживающий персонал. «Ближнюю» передали на баланс Министерства здравоохранения СССР. На территории объекта № 101, как значилось в документах, планировалось разместить детский санаторий имени Сталина Главного курортно-санаторного управления Минздрава.

Решения XX съезда, принятые вслед за ними постановления ЦК сделали невозможным само существование музея. Работы на мемориальном объекте были прекращены. В апреле 1956 года «Ближняя» становится спецдачей ЦК КПСС «Волынское». Здесь корпели над проектами постановлений ответственные работники партийного аппарата и периодически проживали члены делегаций братских компартий зарубежных стран.

В 1990 году спецдача «Волынское» вновь поступает в распоряжение 9-го управления КГБ СССР, а затем становится объектом «Волынское-1».

С течением времени терялись некоторые детали того исторического облика «Ближней», которые существовали при жизни ее первого хозяина. Из подлинных вещей того периода остались лишь мебель, столовые приборы, посуда и небольшая часть подарков в нескольких комнатах. За эти десятилетия бесследно исчезли лимонарий, многочисленные цветники и молодые посадки, виноградник: содержание огромного парка и теплиц обходилось слишком дорого. Частично были перестроены внутренние помещения русской бани. В первоизданном виде остались бильярдный зал и Малый дом.

В конце 1980-х годов на территории парка по распоряжению Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева был построен новый особняк. Впрочем, последнему главному партийному руководителю Советского Союза так и не удалось пожить в этом доме. Лишь несколько раз здание использовалось для представительских встреч.

¹ Семейный архив А. Н. Шефова.

² Казаков А. Я. — в 1955 году директор музея «Дача Сталина».

³ См.: Правда. 1953. 4 марта.

⁴ Семейный архив А. Н. Шефова.

⁵ Молотов (Скрябин) В. М. (1890–1986) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1926–1957 годах. В 1920–1921 годах секретарь ЦК КП(б) Украины, в 1921–1930 годах секретарь ЦК ВКП(б), одновременно в 1928–1929 годах первый секретарь Московского городского комитета ВКП(б). В 1930–1941 годах Председатель Совнаркома СССР и Совета труда и обороны СССР, одновременно в 1939–1949 годах нарком (министр) иностранных дел СССР. В 1941–1942, 1946–1953 годах заместитель председателя, в 1942–1946, 1953–1957 годах первый заместитель Председателя Совнаркома (Совета Министров) СССР, одновременно в 1953–1956 годах министр иностранных дел СССР, в 1956–1957 годах министр государственного контроля СССР, в 1957–1960 годах посол СССР в Монголии, в 1960–1962 годах глава Советского представительства в МАГАТЭ, с 1962 года на пенсии. В 1962 году исключен из КПСС, в 1984 году восстановлен в партии.

⁶ Вот и первая загадка дачи. Почему Джилас указал такое расстояние? Из соображений конспирации? Либо искренне заблуждался? А может быть, вождь велел Молотову везти Джиласа кружным путем?

⁷ Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1992. С. 54–55.

⁸ Логинов В. Тени Сталина. Генерал Власик и его соратники. М. 2000. С. 154.

⁹ Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1992. С. 49–50.

¹⁰ Там же. С. 55.

¹¹ Паукер К. В. (1893–1937) — в 1920 году уполномоченный иностранного отдела, следователь, сотрудник для поручений особого отдела ВЧК, в январе–декабре 1921 года помощник начальника 15-го специального отделения особого отдела ВЧК, в 1921–1922 годах начальник 15-го специального отделения особого отдела ВЧК — ГПУ, в 1922–1923 годах заместитель начальника оперативного отдела ВЧК — ГПУ, в 1923–1934 годах начальник оперативного отдела ГПУ — ОГПУ СССР, в 1934–1936 годах начальник оперативного отдела ГУГБ НКВД СССР, в ноябре–декабре 1936 года начальник отдела охраны ГУГБ НКВД СССР, в 1936–1937 годах начальник 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР. В апреле 1937 года арестован, 14 августа 1937 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. Не реабилитирован.

¹² Демьян Бедный (Придворов Е. А.) (1883–1945) — поэт, член партии большевиков с 1912 года.

¹³ Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. Сб. документов. Берлин. Чикаго. Токио. Москва. 1993. С. 160.

¹⁴ В конце 40-х годов шапку из чернобурок по просьбе вождя остригли. Для этого усадили перед зеркалом офицера с подходящим размером головы (53–54), надели на него шапку и остригли мех машинкой для стрижки волос.

- ¹⁵ В архиве сохранилась фотография, на которой Матвеев бреет С. Ф. Кузьмичева, одного из руководителей сталинской охраны. Видимо, после такой проверки Матвеев и был допущен к Хозяину.
- ¹⁶ Согласно журналу записи лиц, принятых Сталиным, 16 сентября 1942 года приема в Кремле он не вел. 17 сентября прием посетителей начался в 21 час 50 минут (Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. // Исторический архив. 1996. № 3).
- ¹⁷ Сталинградская эпопея. Материалы НКВД и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М. 2000. С. 208, 204–207.
- ¹⁸ Семейный архив А. Н. Шефова.
- ¹⁹ Ветераны охраны утверждают, что на глобусе были отображены залежи полезных ископаемых.
- ²⁰ Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М. 1999. С. 607.
- ²¹ Из беседы с Н. И. Бурмистровым, помощником секретаря ЦК КПСС Н. И. Беляева в 1964 году. Семейный архив А. Н. Шефова.
- ²² В 1956 году пули от винчестера были найдены в стволах спиленных деревьев.
- ²³ Из беседы с И. М. Орловым. Семейный архив А. Н. Шефова.
- ²⁴ Михоэлс (Вовси) С. М. (1890–1948) — актер, режиссер, педагог, народный артист СССР, с 1929 года художественный руководитель Московского государственного еврейского театра.
- ²⁵ Заковский Л. М. (Штубис Г. Э.) (1894–1938) — в 1926–1930 годах начальник особого отдела Сибирского военного округа, в 1930–1932 годах полпред ОГПУ по Западно-Сибирскому краю, в 1932–1934 годах полпред ОГПУ по БССР — председатель ГПУ БССР, в июле–декабре 1934 года нарком внутренних дел БССР, в 1934–1938 годах начальник УНКВД Ленинградской области, в январе–марте 1938 года начальник УНКВД Московской области, в январе–апреле 1938 года заместитель наркома внутренних дел СССР, одновременно начальник Управления особого отдела НКВД СССР, с 20 апреля 1938 года начальник строительства Куйбышевского гидроузла НКВД СССР. 30 апреля 1938 года арестован и в августе 1938 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. Не реабилитирован.
- ²⁶ Литвин М. И. (1892–1938) — в 1932–1933 годах заместитель заведующего распределительным отделом ЦК ВКП(б), в 1933–1936 годах заведующий отделами кадров, промышленно-транспортным и сельскохозяйственным ЦК КП(б) Украины, затем второй секретарь Харьковского обкома КП(б) Украины, в 1936–1937 годах начальник отдела кадров НКВД СССР, в 1937–1938 годах начальник 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, начальник УНКВД Ленинградской области. Покончил жизнь самоубийством.
- ²⁷ Успенский А. И. (1902–1940) — в 1934–1935 годах заместитель начальника УНКВД Московской области, в 1935–1936 годах заместитель коменданта Московского Кремля по внутренней охране, с 1936 года заместитель начальника УНКВД Западно-Сибирского края, с марта 1937 года начальник УНКВД Оренбургской области, в январе–ноябре 1938 года нарком внутренних дел Украинской ССР. В ноябре 1938 года бежал из Киева и нелегально проживал под Москвой, в апреле 1939 года арестован и 27 января 1940 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. Не реабилитирован.
- ²⁸ Служба безопасности. 1996. № 5–6.
- ²⁹ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 216–220.
- ³⁰ Последний перед перерывом прием посетителей Сталин провел вечером 28, а не 29 июня. В 19 часов 35 минут к нему в кремлевский кабинет явились Молотов, Маленков и Буденный, который удалился через 15 минут. В 19:45 Поскребышев начал запускать в кабинет посетителей рангом ниже. Первым на 20 минут вошел первый заместитель наркома внутренних дел Меркулов, за ним зашел и почти тут же вышел Булганин, вероятно, получив от вождя какое-то задание. Следом на ковер вызвали начальника Главного управления ВВС Жигарева и конструктора артиллерийского вооружения Петрова, потом военных — Тимошенко, Жукова и Голикова. Словом, прием шел в обычном ритме. Берия появился в 22:40, а Микоян — в 23:30. К этому моменту уже ушел Маленков. В кабинете до конца приема оставались Молотов, Берия и Микоян, которые вышли вместе со Сталиным в 0 часов 50 минут. Не исключено, что именно тогда они и отправились в Наркомат обороны, где вождь устроил выволочку военным, живо описанную Микояном.
- Еще один свидетель кремлевских событий управляющий делами Совнаркома СССР Я. Е. Чадаев подтверждал и поездку Сталина со товарищи в Наркомат обороны, и растерянность генсека, замкнувшегося на «Ближней». Правда, Чадаев, видевший в окно, как Сталин, Молотов и Берия садились в машину, утверждал, что было это по окончании утреннего заседания Политбюро 27 июня. Теперь же известно, что генсек в тот день приехал в Кремль к 16 часам и около 3 ночи уехал на дачу, а на следующий день, 28 июня, появился в кремлевском кабинете, как уже было сказано, только в восьмом часу вечера.
- ³¹ Тимошенко С. К. (1895–1970) — в 1938–1939 годах командующий войсками Киевского особого военного округа, в 1939–1940 годах командующий Северо-Западным фронтом, в 1940–1941 годах нарком обороны СССР, в 1941–1943 годах заместитель наркома обороны СССР, в 1945–1946 годах командующий войсками Ба-

рановичского, в 1946, 1949–1960 годах Белорусского, в 1946–1949 годах Южно-Уральского военных округов. С 1960 года в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

³² Ватутин Н.Ф. (1901–1944) — с июня 1941 года начальник штаба Северо-Кавказского фронта, заместитель начальника Генерального штаба, с 1942 года командующий войсками Воронежского, Юго-Западного фронтов, с октября 1943 года — 1-го Украинского фронта. 29 февраля 1944 года тяжело ранен, 14 апреля скончался.

³³ Микоян А. Так было. Размышления о минувшем. М. 1999. С. 389–390.

³⁴ Чадаев Я.Е. (1904–1985) — в 1937–1938 годах заместитель председателя, в 1938–1939 годах председатель Госплана РСФСР, одновременно заместитель Председателя Совнаркома СССР, в 1939–1940 годах заместитель председателя Комитета советского контроля при Совнаркоме СССР, в 1940–1949 годах управляющий делами Совнаркома (Совета Министров) СССР, в 1949–1950 годах заместитель председателя, в 1950–1957 годах председатель Госплана РСФСР, в 1957–1962 годах первый заместитель председателя, заместитель председателя Госплана РСФСР, в 1962–1975 годах заместитель председателя Госплана СССР, с 1975 года на пенсии.

³⁵ Вознесенский Н.А. (1903–1950) — член Политбюро ЦК ВКП(б) — КПСС в 1947–1949 годах. В 1935–1937 годах заместитель председателя Ленинградского горисполкома, в 1937–1938 годах заместитель председателя, в 1938–1941, 1942–1949 годах председатель Госплана СССР, одновременно в 1941–1949 годах заместитель, первый заместитель Председателя Совнаркома (Совета Министров) СССР, в 1942–1945 годах член ГКО. В 1949 году арестован и 1 октября 1950 года расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Реабилитирован 30 апреля 1954 года, в партийном порядке — Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС 26 февраля 1988 года.

³⁶ Вот и еще одна загадка «Ближней». Почему на звонок Вознесенского не ответил дежурный офицер охраны? Ведь, как мы знаем, все звонки к Сталину шли через дежурного.

³⁷ Радзинский Э. Сталин. М. 1997. С. 502.

³⁸ Молотов рассказывал: «Сталин сказал, что можно построить коммунизм в одной стране. Это, конечно, противоречит марксизму-ленинизму. На XVIII съезде. Я и тогда был против этого, но промолчал. А как сделать? Просто меня бы как пушинку вышибли, все — ура, ура! — всем хочется коммунизма. Сталин хотел показать, что он шаг вперед делает» (Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М. 1991. С. 425). Такие же доводы неоднократно приводил и Хрущев.

³⁹ См.: Чуев Ф. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М. 1992. С. 88.

⁴⁰ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М. 1991. С. 329–330.

⁴¹ Микоян А. Так было. Размышления о минувшем. М. 1999. С. 391.

⁴² Утверждают, что Вознесенский произнес в ходе описываемых событий фразу, обращенную к Молотову: «Вячеслав, иди вперед, мы пойдем за тобой». Ее трактовали в узком смысле: Молотову нужно первому войти к уединившемуся Сталину, — и в широком: в том случае, если генсек будет не способен к руководству, то ГКО должен возглавить Молотов, правая рука Сталина и его очевидный в глазах народа наследник. Опасные слова Вознесенского не прошли даром ни для него (но это будет позднее, в 1949 году), ни для Молотова, которого Сталин часами держал при себе, в кремлевском кабинете. Микоян так прокомментировал ситуацию, сложившуюся вокруг Молотова: «Внешне это создавало ему особый престиж, а на деле Сталин изолировал его от работы, видимо, он ему не совсем доверял: как бы второе лицо в стране, русский, не стал у него отбирать власть» (Микоян А. Так было. М. 1999. С. 463).

⁴³ Подтвердил факт поездки членов Политбюро на «Ближнюю» и еще один непосредственный участник событий — Лаврентий Берия. Во втором письме в ЦК, написанном под арестом в июне 1953 года, он, обращаясь к Молотову, напоминал: «...Вы прекрасно помните, когда в начале войны, было очень плохо и после нашего разговора с т-щем Сталиным у него на ближней даче [курсив наш; вот очередная загадка «Ближней»: выходит, что был еще один визит членов Политбюро к генсеку, до 30 июня, который не зафиксирован в других источниках. — *Авт.*] Вы поставили вопрос ребром у Вас в кабинете в Совмине, что надо спасти положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины, я Вас тогда целиком поддержал и предложил Вам немедля вызвать на совещание т-ща Маленкова Г.М., а спустя небольшой промежуток времени подошли и другие члены Политбюро, находившиеся в Москве. После этого совещания мы все поехали к т-щу Сталину и убедили его [в — *Авт.*] немедленном [так в документе. — *Авт.*] организации Комитета Обороны Страны со всеми правами» (Источник. 1994. № 4).

⁴⁴ Микоян А. Так было. Размышления о минувшем. М. 1999. С. 391.

⁴⁵ Молотов так характеризовал своего коллегу по узкому составу Политбюро ЦК: «Маленков — очень хороший исполнитель, «телефонщик», как мы его называли, — он всегда сидел на телефоне: где что узнать, пробить, это он умел. По организационно-административным делам, кадры перераспределить — это Маленков. Передать указание на места, договориться по всем вопросам. Он нажимал — оперативная работа. Очень активный, живой, обходительный. В главных вопросах отмалчивался» (Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М. 1991. С. 336). В фондах Политбюро ЦК часто встречаются черновики партийных документов, написанные рукой Маленкова.

- ⁴⁶ Так в документе.
- ⁴⁷ Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 198.
- ⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1317. Л. 21.
- ⁴⁹ Настенные светильники были смонтированы в 1951 году.
- ⁵⁰ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М. 2000. С. 126.
- ⁵¹ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М. 2000. С. 150–151.
- ⁵² Каплер А.Я. (1904–1979) — киносценарист, актер и режиссер, в 1939–1941 годах преподаватель ВГИКа. Обвиненный в том, что «будучи антисоветски настроенным, вел в своем окружении враждебные разговоры и клеветал на руководителей ВКП(б) и Советского правительства... поддерживал близкую связь с иностранцами, подозрительными по шпионажу», Каплер был сослан на 5 лет в Воркуту, где работал в местном театре. После ссылки был приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей за то, что приехал в столицу вопреки запрету. Освобожден в июле 1953 года.
- ⁵³ Там же. С. 161–162.
- ⁵⁴ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М. 2000. С. 162.
- ⁵⁵ Там же. С. 165.
- ⁵⁶ Морозов Г.И. (1922–2004) — юрист-международник, главный научный сотрудник НИИ мировой экономики и международных отношений РАН.
- ⁵⁷ Подробнее об этих «делах» и их подоплеке см.: Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М. 2001.
- ⁵⁸ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М. 2000. С. 167.
- ⁵⁹ Там же. С. 167.
- ⁶⁰ Сохранилось письмо Аллилуевой отцу, датированное 28 октября 1952 года, в котором она просит соизволения на свидание.
- «Дорогой папа!
- Мне очень хочется повидать тебя. Никаких „дел“ или „вопросов“ у меня нет, просто так. Если бы ты разрешил, и если это не будет тебе беспокоило, я бы просила позволить мне провести у тебя на Ближней два дня из ноябрьских праздников — 8-е и 9-е ноября.
- Если можно, я захватила бы своих детишек — сына и дочку. Для нас это был бы настоящий праздник.
- У меня все хорошо, устроилась я в городе удобно и очень благодарна за ту помощь, которую мне оказали.
- Целую тебя, папа.
- Очень жду твоего согласия.
- Светлана» (Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. Сб. документов. Берлин. Чикаго. Токио. Москва. 1993. С. 104).
- ⁶¹ В письме говорилось: «Приношу глубокую благодарность правительству и лично Вам за участие и внимание к моим детям и ко мне в это тяжелое для всех нас время.
- Вместе с тем, считаю своим долгом отказаться от некоторых предоставленных моей семье прав, как от излишних, пользоваться которыми я не считаю для нас возможным:
- 1) от закрепления дачи „Волынское“ с обслуживанием;
 - 2) от временного денежного довольствия в размере 4000 рублей в месяц.
- Вместо закрепления за моей семьей дачи „Волынское“, прошу Вашего разрешения о предоставлении мне права снимать на летний период 2–3 комнаты в дачном поселке СМ СССР Жуковка, по Рублево-Успенскому шоссе, за отдельную плату.
- Еще раз приношу благодарность.
- С уважением Сталина» (Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. Сб. документов. Берлин. Чикаго. Токио. Москва. 1993. С. 104–105).
- На письме имеется рукописная помета помощника Маленкова Д. Н. Суханова: «Вопрос решен лучше. Архив. Доложено. Суханов. 26/III.53 г.».
- С. А. Аллилуевой была предоставлена госдача на территории пансионата «Жуковка» Управления делами Совмина СССР.
- ⁶² Сохранилась справка отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС следующего содержания: «Директор Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина т. Богачев просит ЦК КПСС дать указание директору Центрального музея В. И. Ленина т. Морозову о возвращении библиотеке книг, взятых для И. В. Сталина по абонементу в прошлые годы и находящихся в данное время на даче «Ближняя»...

Учитывая, что в книгах, которые были взяты для И. В. Сталина из Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, имеются различные его пометки (в 62 книгах из 72), директор Музея В. И. Ленина т. Морозов считает целесообразным передать указанные книги в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, обязав его возместить библиотеке имени В. И. Ленина эти книги экземплярами без пометок.

Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС дано указание Институту марксизма-ленинизма (т. Обичкину) принять на хранение книги из библиотеки И. В. Сталина на даче «Ближняя» с его пометками и организовать замену их другими экземплярами для библиотеки В. И. Ленина. Директору библиотеки В. И. Ленина т. Богачеву ответ сообщен.

Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС В. Снастин

Зав. сектором Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС Е. Бугаев

6 июля 1955 г.». (Источник. 1997. № 4. С. 83–84.)

⁶³ Тема террора не оставляет вождя равнодушным. У Каутского он подчеркивает фразу «Вожди пролетариата стали прибегать к крайнему средству, кровавому средству — террору» и пишет рядом: «Ха-ха». Знаком «NB!» отмечает слова Маркса: «Есть только одно средство укоротить, упростить корчи старого общества: кровавые родовые муки нового — революционный террор».

⁶⁴ Шефов А. Н. Две встречи. В кн.: И примкнувший к ним Шепилов. М. 1998. С. 154.

⁶⁵ Громыко А. А. (1909–1989) — в 1939–1943 годах советник посольства СССР в США, в 1943–1946 годах посол СССР в США, в 1946–1948 годах постоянный представитель СССР в Совете Безопасности ООН, одновременно в 1946–1949 годах заместитель министра, в 1949–1952, 1953–1957 годах первый заместитель министра иностранных дел СССР, в 1952–1953 годах посол СССР в Великобритании, в 1957–1985 годах министр иностранных дел СССР, одновременно в 1983–1985 годах первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, в 1985–1988 годах Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

⁶⁶ Громыко А. Памятное. Кн. 1. М. 1988. С. 204.

⁶⁷ Яковлев А. С. (1906–1989) — с 1931 года инженер на авиационном заводе, с 1935 года главный (генеральный) конструктор, одновременно в 1940–1946 годах заместитель наркома авиационной промышленности СССР.

⁶⁸ См.: Яковлев А. С. Цель жизни. М. 1987. С. 496.

⁶⁹ См.: Яковлев А. С. Цель жизни. М. 1987. С. 276–277.

⁷⁰ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: размышления о И. В. Сталине. М. 1990. С. 358.

⁷¹ Яковлев А. С. Цель жизни. М. 1987. С. 492.

⁷² Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 2001. С. 143.

⁷³ Александров Г. Ф. (1908–1961) — в 1939–1947 годах заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды, затем начальник управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), одновременно директор Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), в 1947–1954 годах директор Института философии Академии наук СССР в 1954–1955 годах министр культуры СССР, с 1955 года заведующий сектором Института философии и права Академии наук Белорусской ССР.

⁷⁴ Язвительные пометки на полях — характерная черта вождя-читателя. Угладев в одном из учебников фразе «Контрреволюционная армия выбила поляков из Кремля» (речь шла о первом и втором ополчении в годы смуты начала XVII века), Сталин пишет свое любимое «ха-ха» и поясняет: «Выходит, что поляки были революционной армией?» На полях доклада Лысенко на сессии ВАСХНИЛ, пытавшегося доказывать несовместимость выводов генетики с тезисом о классовости биологической науки, вождь начертил ехидное замечание: «А дважды два четыре — тоже буржуазное мышление?»

⁷⁵ Семейный архив А. Н. Шефова.

⁷⁶ Подробнее см.: Сталин И. В. Сочинения. Т. 17. Тверь. 2004. С. 634.

⁷⁷ Васька Красный — детское прозвище Василия Сталина.

⁷⁸ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М. 1947. С. 163.

⁷⁹ Записка впервые опубликована в № 11 журнала «Вопросы истории» за 1953 год в качестве доказательства борьбы Сталина с культом личности. Цит. по: Волобуев О. В., Кулешов С. В. Очищение. История и перестройка. М. 1989. С. 133.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5300. Л. 15–16.

⁸¹ Подробнее о работе Сталина над текстом макета см.: Маслов Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938–1988 гг. // В кн.: Советская историография. М. 1996.

⁸² См.: Волобуев О. В., Кулешов С. В. Очищение. История и перестройка. М. 1989. С. 264, 95.

⁸³ Семейный архив А. Н. Шефова.

⁸⁴ Подробнее см.: Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. Историо-

софия сталинизма. М. 2003. С. 137–138.

⁸⁵ Об этом см.: Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. Историософия сталинизма. М. 2003. С. 350–449.

⁸⁶ Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1992. С. 112–113.

⁸⁷ Вот несколько фрагментов письма от 16 февраля 1938 года. На нем — резолюция Сталина: «Т. Ежову», в конце письма сталинская помета: «1). Травля Шолохова». На полях и по тексту имеются многочисленные пометки и подчеркивания красным, зеленым и простым карандашами, сделанные, вероятно, Поскребышевым и Ежовым.

«Дорогой т. Сталин!

После освобождения из-под ареста секретаря Вешенского РК ВКП(б) Лугового, председателя РИКа Логачева и уполномоченного Ком[итета по] Заг[откам при] СНК Красюкова бюро Ростовского обкома партии приняло решение о возвращении Лугового и других на прежнюю работу. В этом решении было записано следующее: „...Материалами следствия установлено, что тт. Луговой, Логачев и Красюков были злостно оговорены участниками к[онтр]р[еволюционных] правотроцкистских и эсеровско-белогвардейских организаций в своих подлых вражеских целях“...

Дорогой т. Сталин! Прошу Вас лично — Вы всегда были внимательны к нам — прошу ЦК, — разберитесь с нашими делами окончательно!

Доведите до сведения Н. И. Ежова о содержании моего письма, ведь он сделал первый почин в распутывании вешенского клубка, и пришлите комиссию из больших людей нашей партии, из настоящих коммунистов, которые распутали бы этот клубок до конца. Обком ничего не делает и не сделает! Я уже говорил Евдокимову: — „Почему обком не предпринимает никаких мер, чтобы освободить из тюрем тех, кто сидит за связь с Луговым, кто посажен врагами?“ Он ответил: — „Ты говорил об этом Ежову? Ну, и хватит. А что я могу сделать?“ Сажать он мог, а говорить об освобождении неправильно посаженных не может. Тогда почему же он мог спрашивать о Шацком, Семякине, Шестовой: — „А не зря ли они посажены? Не оклеветали ли их?“

Пришлите по делам арестованных коммунистов

М. Ф. Шкирятова. Он знает очень многих людей здесь по 1933 г., ему будет легче ориентироваться, и кого-нибудь из заместителей т. Ежова. И пусть они, знакомясь с ростовскими делами, хорошенько присмотрятся к Евдокимову! Он хитер — эта старая, хромая лиса! Зубы съел на чекистской работе, и чтобы он не видел вражеской работы со всех сторон облепивших его Пивоварова, Кравцова, Шацкого, Ларина, Семякина, Шестовой, Лукина, Касилова и др. ? Не верится, т. Сталин! Но если Евдокимов не враг, а просто глубокая шляпа, то неужто такой руководитель нужен нашей области, где крайне сложна политическая обстановка, где так много напаскудили враги.

За пять лет я с трудом написал полкниги. В такой обстановке, какая была в Вешенской, не только невозможно было продуктивно работать, но и жить было безмерно тяжело. Туговато живется и сейчас. Вокруг меня все еще плетут черную паутину враги. После отъезда Тимченко и Кравченко их подручные продолжают вести активную работу. Ознакомьтесь с заявлением, которое прилагаю, и Вы увидите, что старая история продолжается. О действиях этого „политически зрелого“ мерзавца Сидорова, терроризировавшего колхозников, выдававшего себя за „тайного агента“ НКВД, РК довел до сведения р[айонного] о[тдела] НКВД. Результаты следствия, проведенного работником НКВД Костенко, указаны в этом заявлении. Знает об этом и Евдокимов. Но до настоящего времени Сидоров не привлечен к ответственности. Всего не перескажешь, т. Сталин, хватит и этого.

Письмо повезу сам. Если понадобится Вам — Поскребышев меня найдет. Если не увижу Вас, — очень прошу через Поскребышева сообщить мне о Вашем решении. Крепко жму Вашу руку.

М. Шолохов» (Источник. 1993. № 4. С. 8–19).

⁸⁸ Подробнее см.: Мурин Ю. Почему тигр не прыгнул. Комментарии к переписке и встречам М. А. Шолохова и И. В. Сталина в 1930-х годах // Родина. 2006. № 2. С. 57.

⁸⁹ Заседание Оргбюро ЦК ВКП(б) открылось докладом начальника управления Александрова. После него выступил редактор журнала «Звезда» В. М. Саянов. Генсек потребовал от Саянова объяснить причины, по которым в № 5–6 за 1946 год был опубликован рассказ М. М. Зоценко. Приведем соответствующий фрагмент неправленной стенограммы заседания.

«САЯНОВ. (Начало не стенографировалось). Вина моя большая, что я, очевидно, не понял, насколько к нашему журналу приковано внимание партии и страны.

СТАЛИН. Этот ваш журнал для детей издается?

САЯНОВ. Нет.

СТАЛИН. А почему в детский журнал не поместили?

САЯНОВ. Это печаталось из-за детей.

СТАЛИН. У вас требовательности элементарной нет. Это же пустяковый рассказ.

САЯНОВ. Теперь это видно.

СТАЛИН. У всех получается, что потом оказывается, что ничего не видели, и получается, что мелочи пишут. Вы рассказ читали?

САЯНОВ. Да.

СТАЛИН. Это же пустейшая штука, ни уму ни сердцу ничего не дающая. Какой-то базарный балаганный анекдот. Непонятно, почему, безусловно, хороший журнал предоставил свои страницы для печатания пустяковой балаганной штуки. У вас нет требовательности к своим писателям, а читатели будут требовать.

САЯНОВ. Мне кажется, что здесь дело зависит от того, что мы недостаточно вели идейно-воспитательную работу среди писателей, и что некоторое ошибочное представление имеется в писательской массе, что иногда писатели недостаточно понимают значение принципиальной критики, что у некоторых писателей была слишком большая оглядка на западно-американскую литературу, что они иногда недооценивали тех творческих богатств, которые есть в наследии нашей русской и советской литературы, что иногда в некоторых писательских кругах есть такое увлечение современными западными писателями. Это объясняется тем, что у некоторых писателей было суждение о том, что роль идеологической актуальной темы снижена.

Несколько вещей мы возвращали, вещей, идеологически искажающих наше правильное представление. Мы указывали авторам на их ошибки, но у некоторых писателей было суждение такое, что вот война кончилась, теперь они отдохнут и теперь надо развлекать советского читателя, надо дать ему такие произведения, которые он с удовольствием будет читать. Наша вина, что против таких настроений мы не сумели отдалить передовую писательскую часть, что мы с ними не сумели по-настоящему работать. Вот мне кажется, то основное, что следовало сейчас сказать.

ЛИХАРЕВ. Совершенно справедлива была статья в газете „Культура и жизнь“ и даже слишком мягкая, которая упрекала журнал „Ленинград“, что он является журналом, еще не имеющим своего профиля, страдающим безликостью среднего журнала. Мы это ощущаем и сами в своей редакционной коллегии, и мы стремились и стремимся принимать всяческие меры к тому, чтобы журнал у нас стал интереснее, чтобы он, носящий такое большое название, соответствовал этому названию. Этому нам пока что сделать не удастся.

Наш журнал — тонкий журнал, он должен строиться главным образом на основном жанре рассказа. Это очень сложно. С этим жанром в литературе обстоит не совсем благополучно. Наш журнал „Ленинград“ всю блокаду выходил, он выходил во все время войны, а сейчас нам стало вдруг несколько сложнее. Тогда у нас был маленький коллектив. Тогда были единицы писательские, но большие творческие писатели, с большими возможностями. Сейчас дело несколько шире стало, вернулись товарищи с других фронтов, это наш большой актив, но они неспособны осмыслить то, что было в Ленинграде, они были на других фронтах и тему Ленинграда не восприняли в должной мере, и это им не дает возможности дать те произведения о Ленинграде, которые нам хотелось бы увидеть.

Какие же меры в связи с этим мы должны принимать? Во-первых, мы беседовали с нашими писателями, и нашли язык, который доходил до сердца писательского. Затем мы обратились к газетным нашим работникам, которые неотрывно следят за пульсом города. Они представляют нам посильную помощь, потому что наш журнал очерковый и этот журнал должен показать сегодняшний Ленинград в очерке. Мы видим, что наш профиль сейчас уже более наполнен, чем было прежде.

В отношении тех промахов, на которые нам совершенно справедливо указывал т. Александров. Я, действительно, не в состоянии более подробно...

СТАЛИН. А Вы читали, что написано? Как же пропустили это?

ЛИХАРЕВ. Я сейчас скажу, почему так получилось. Артист Райкин привез в Ленинград это произведение. Два месяца читал в театре, передавали по радио это. Главрепертком утвердил.

СТАЛИН. Кто утвердил?

ЛИХАРЕВ. Главрепертком, здесь в Москве.

СТАЛИН. Главрепертком утверждает для печатания или для чтения?

ЖДАНОВ. Это эстрадный номер?

ЛИХАРЕВ. Да. Мы совершили ошибку. Мы забыли о том, что печатное слово звучит сильнее, чем слово произнесенное. В отношении Некрасова. Это пародия на произведение о Некрасове.

АЛЕКСАНДРОВ. Если бы Вы прочитали вслух эту пародию, Вас стащили бы со сцены. Получилась пародия на Некрасова.

СТАЛИН. Вы утверждаете, что это пародия на пародию?

ЛИХАРЕВ. Такая книжка есть, она дурная книжка.

СТАЛИН. Это уловка, автор прикрывается.

ЛИХАРЕВ. У нас много есть таких вещей, я мог бы продолжить.

ЖДАНОВ. У Вас тоже много произведений Зоценко, например, «Путешествие на Олимп» это то же, что и «Путешествие обезьяны»?

СТАЛИН. У вас перед заграничными писателями ходят на цыпочках. Достойно ли советскому человеку на цыпочках ходить перед границей? Вы поощряете этим низкопоклонные чувства, это большой грех.

ЛИХАРЕВ. Напечатано много переводных произведений.

СТАЛИН. Вы этим вкус чрезмерного уважения к иностранцам прививаете. Прививаете такое чувство, что мы — люди второго сорта, а там люди первого сорта, что неправильно. Вы — ученики, они — учителя. По сути дела неправильно это.

ЛИХАРЕВ. Я хочу только одно отметить...

СТАЛИН. Говорите позубастее. Вы что смешались или вообще согласны с критикой?

ЛИХАРЕВ. Сейчас попробую.

СТАЛИН. Что попробуете, надо сильнее говорить.

ЛИХАРЕВ. „В Севастополе“ Сельвинского есть вывод, он вспоминает свою юность в Севастополе, вспоминают девушку, которую там видел, которая назвала его милым. Это ему запомнилось на всю жизнь. Вот его стихотворение.

СТАЛИН. Это уловка.

ЛИХАРЕВ. Я люблю наш журнал и мне хочется, чтобы этот журнал сохранился.

СТАЛИН. Журнал должен руководить писателями или он должен плестись в хвосте у них?

ЛИХАРЕВ. Должен руководить.

СТАЛИН. Руководить может или нет?

ЛИХАРЕВ. Он должен и будет.

СТАЛИН. Пока не выходит этого.

ЛИХАРЕВ. Я хотел заверить товарищей, что можем это делать, если нам доверят. Со следующего номера журнал будет иным. У меня есть вещи по-новому осмысленные, но ведь нам не так легко работать.

СТАЛИН. Вы хотите, чтобы все было по-хорошему. Я это вижу. Но надо суметь сделать, чтобы все было по-хорошему.

ЛИХАРЕВ. Необходимо сделать.

СТАЛИН. Да, необходимо сделать.

ЛИХАРЕВ. Оставить город без журнала очень больно. Мы должны сохранить его. Остаться без журнала, — этого нельзя.

СТАЛИН. Все требуют, чтобы мы улучшили качество продукции: ширпотреб, металла и прочее. Однако следует, чтобы и качество продукции литературной было улучшено, мы хотим, чтобы лучшие произведения печатались, на качество хотим нажать.

ПРОКОФЬЕВ. Надо учесть, товарищи, что ленинградский отряд советских писателей был в исключительном положении, что из большого количества (сейчас этот ленинградский отряд советских писателей насчитывает 274) из них действительных писателей, т. е. непосредственно творящих советскую литературу, насчитывается, приблизительно, половина.

СТАЛИН. У вас что — принято печатать только ленинградских писателей, иногородних можно?

ПРОКОФЬЕВ. Обязательно. Я считаю, что наши журналы являются также как и город Ленинград союзными журналами и поэтому я считаю, что замыкаться только в ленинградские рамки нельзя.

СТАЛИН. Уральцев будете печатать?

ПРОКОФЬЕВ. Печатаем, печатаются стихи сибирских товарищей и уральцев. Мы также думаем привлечь и московских писателей, потому что надо поднять значение наших ленинградских журналов.

СТАЛИН. Только своих писателей не хватает, видимо, произведений мало?

ПРОКОФЬЕВ. Если мы возьмем хорошие произведения московских или уральских писателей, то можем поступиться нашим ленинградским патриотизмом и потеснить ленинградских писателей на второй план.

СТАЛИН. Кто у вас Ягдфельд, ленинградец?

ПРОКОФЬЕВ. Я не знаю, он недавно в Союзе писателей.

СТАЛИН. Вам что, нравятся его произведения, можно поставить на сцене их?

ПРОКОФЬЕВ. Когда я их читал, я считал, что это романтические произведения.

СТАЛИН. Это детские произведения, это не оформившийся писатель, а школьник. Вы должны, чтобы на ваш журнал смотрели и учились у него.

ПРОКОФЬЕВ. Очевидно у нас не хватало и вкуса.

СТАЛИН. И произведений, видимо, не хватало, чтобы помешать, вот вы и вывалили в одну кучу.

ПРОКОФЬЕВ. Журнал у нас не мусорная куча, мы хотим, чтобы наш журнал был достоин нашего города, но,

очевидно, не получилось этого.

СТАЛИН. Материала, видимо, не хватает, и поэтому, видимо, в «Звезде» иногда появлялись замечательные вещи, прямо бриллианты, а наряду с бриллиантами — навоз.

ПРОКОФЬЕВ. На Вашу реплику отвечаю, половина или 3/4 вины нашей с нас складывается (смех), потому что все-таки наша работа не прошла впустую. Мы давали и хорошие вещи.

СТАЛИН. Безусловно.

ПРОКОФЬЕВ. Я этому очень рад. Я считаю, что недостатки ленинградского отряда писателей, они не являются присущими только Ленинграду.

СТАЛИН. К сожалению, нет, есть и больше.

ЖДАНОВ. Это вас не может успокаивать.

СТАЛИН. Он все-таки внутренне рад.

ПРОКОФЬЕВ. Если бы мы знали, что нас призовут к ответу, мы не допустили бы таких ошибок в 5 и 6 номерах. Мы не знали, что будем на таком собрании. Я считаю, что цель настоящего собрания, цель такая, чтобы нашему журналу „Звезда“ и „Ленинград“ оказали помощь. Нам нужна помощь, Иосиф Виссарионович. Я думаю, что эта помощь должна быть реальная и действенная. Я считаю, что ленинградские журналы должны быть поставлены в одинаковые условия с московскими журналами. Какой же хороший писатель пойдет в журнал, когда тираж «Звезды» был 10 тыс.

экземпляров, если журналы „Звезда“ и „Ленинград“ принесли убыток государству около 1 млн рублей.

СТАЛИН. Из этого, видимо, исходили, что товар плохой. (Смех.)

ПРОКОФЬЕВ. На прилавках наших журналов нет.

СТАЛИН. Бумаги что ли не давали?

ПРОКОФЬЕВ. Да. Если взять журнал „Октябрь“, то у него штаты такие: кроме 5 зав. отделами, кроме литературного консультанта, зав. массовым отделом и т. д. имеется 7 членов редколлегии. У нас — один редактор и он, как говорится, прислуга на все руки. Дальше идет: литературный консультант, машинистка, зав. редакцией. Я считаю, что мы должны быть поставлены в равные условия.

СТАЛИН. Насчет журнала „Ленинград“ ничего не расскажете?

ПРОКОФЬЕВ. Журнал „Ленинград“ имеет большие традиции. Он возник из журнала „Резец“, этот журнал был органом рабкоровским и из него впоследствии стал журналом „Ленинград“. Мы его мыслили как массовый журнал, журнал, который должен ориентироваться на короткий рассказ, в частности, редакция журнала допускала, когда из больших произведений выбирались куски.

СТАЛИН. Вы это одобряете?

ПРОКОФЬЕВ. Нет. Союз советских писателей надо обратить внимание на рассказ. Жанр рассказа у нас очень не в большом почете у писателей. Мы обсуждали оба журнала наших в Союзе писателей не раз и не два, но критика наша не была столь суровой как сейчас. Очевидно, у нас опять не хватает мужества в ряде случаев сказать правду, имея в виду, что люди, с которыми мы работаем, они находятся рядом с нами и будут обижены, а обида эта не прощается во веки веков. У нас некоторые очень болезненно обиды принимают.

СТАЛИН. Мнительные и чувственные люди?

ПРОКОФЬЕВ. Да и даже иногда небольшая критика оставляет глубокую царапину.

СТАЛИН. Этого бояться не следует. Как же иначе людей воспитывать без критики.

ПРОКОФЬЕВ. Критика была, но она не была такой действенной.

СТАЛИН. Боялись, что обидно будет. Обиды бояться нельзя.

МАЛЕНКОВ. И обиженных приютили. Зощенко критиковали, а вы его приютили.

ПРОКОФЬЕВ. Тогда надо обратить внимание на другое. Сейчас у Зощенко третья комедия идет.

СТАЛИН. Вся война прошла, все народы обливались кровью, а он ни одной строки не дал. Пишет он чепуху какую-то, прямо издевательство. Война в разгаре, а у него ни одного слова ни за, ни против, а пишет всякие небылицы, чепуху, ничего не дающую ни уму, ни сердцу. Он бродит по разным местам, суется в одно место, в другое, а вы податливы очень. Хотели журнал сделать интересным, и даете ему место, а из-за этого вам попадает, и не могут быть напечатаны произведения наших людей. Мы не для того советский строй строили, чтобы людей обучали пустяковине.

ПРОКОФЬЕВ. Я хочу поставить следующий вопрос об утечке людей из Ленинграда. Около 20 человек убыло.

СТАЛИН. Вы предъявите счет в Москву, может быть, вернутся люди. Уходят, что ж поделать, они не крепостные. В Москве, видимо, дело лучше обстоит.

ПРОКОФЬЕВ. Больше возможностей, если говорить по-человечески, для писателя, чем в Ленинграде. И сейчас, если Центральный Комитет примет предложение Агитпропа ЦК относительно сокращения журналов Ленинграда, то я не знаю, в каком положении очутится отряд ленинградской литературы. Нельзя вместе с водой

выплескивать и содержание. Я считаю, что для такого города, как Ленинград, нельзя оставлять [только] такой журнал как „Звезда“. Надо сделать все возможное, чтобы эти оба журнала заработали по-настоящему. Для этого у нас найдутся силы и люди, чтобы эти оба журнала существовали.

Я считаю, что наши ленинградские журналы могут понастоящему, глубоко и со знанием ленинградской темы, темы громадного мирового звучания поднять. Мы все были в Ленинграде и видели с ленинградцами все беды, и наша задача, задача ленинградского отделения Союза советских писателей и обоих журналов сделать, чтобы эта тема звучала по-настоящему. Мы не имеем произведений достаточно больших и широких, где бы эта тема звучала. У нас имеются „Черты советского человека“ Тихонова и „Это было в Ленинграде“ Чуковского, но я не нахожу произведений, которые поднимали бы эту тему по-настоящему. Но такая попытка у нас в Ленинграде делается. Вот, Иосиф Виссарионович, Саянов написал первую часть трилогии о Ленинградском фронте. Я думаю, что это будет произведение с большим охватом событий.

МАЛЕНКОВ. Чего же расхваливаете заранее, если не читали.

ПРОКОФЬЕВ. Я говорю о теме. Писатели Ленинграда берутся за эту тему. Вера Кетлинская написала роман о Ленинграде. Когда я с ней познакомился, я сказал, что ей нужно много работать, но факт, что писатели это начинают делать.

СТАЛИН. Это делает вам большое преимущество. Материала очень много, но вы плохо используете эти преимущества. „Приключение обезьяны“ — что это — о Ленинграде, поднимает авторитет Ленинграда?

ПРОКОФЬЕВ. Нет. Несколько возражений на критику. Мы с опаской подходили к повести Борисова „Волшебник из Г[ель-Гью]“. Мы первую часть напечатали с выдержками. Когда „Литературная газета“ опубликовала статью Л. Рахманова, рекомендующую эту повесть, мы считали, что это неправильно. Сейчас Борисов пишет 3-ю часть. Мы на собрании в горкоме сказали, что не надо писать 3-ю часть, хватит одной.

СТАЛИН. Как писатель, Борисов хорошо, изящно пишет, литературным языком владеет. Это не Ягдфельд.

ПРОКОФЬЕВ. Тема, которую он берет, на Грина хватит. Это мое убеждение. Относительно стихов. Я считаю, что не является большим грехом, что были опубликованы стихи Анны Ахматовой. Эта поэтесса с небольшим голосом и разговоры о грусти, они присущи и советскому человеку.

СТАЛИН. Анна Ахматова, кроме того, что у нее есть старое имя, что еще можно найти у нее?

ПРОКОФЬЕВ. В сочинениях послевоенного периода можно найти ряд хороших стихов. Это стихотворение „Первая дальнобойная“ о Ленинграде.

СТАЛИН. 1–2–3 стихотворения и обчелся, больше нет.

ПРОКОФЬЕВ. Стихов на актуальную тему мало, но она поэтесса со старыми устоями, уже утвердившимися мнениями и уже не сможет, Иосиф Виссарионович, дать что-то новое.

СТАЛИН. Тогда пусть печатается в другом месте где-либо, почему в „Звезде“?

ПРОКОФЬЕВ. Должен сказать, что то, что мы отвергли в „Звезде“, печаталось в „Знамени“.

СТАЛИН. Мы и до „Знамени“ доберемся, доберемся до всех.

ПРОКОФЬЕВ. Это будет очень хорошо. Я хочу просить Вас и секретарей ЦК, чтобы наш „Ленинград“ был оставлен у нас, не надо закрывать наш „Ленинград“, и чтобы мы поставили эти журналы должным образом, чтобы было больше бриллиантов в „Звезде“, чтобы был уничтожен мусор...» («Литературный фронт». История политической цензуры. 1932–1946 гг. М. 1994. С. 197–205).

⁹⁰ Сосюра В. Н. (1897/1898–1965) — украинский поэт.

⁹¹ Петлюра С. В. (1879–1926) — в 1917–1918 годах председатель Всеукраинского войскового комитета Центральной рады, секретарь (министр) по военным делам генерального секретариата Центральной рады, затем расширенного генерального секретариата Украинской народной республики (УНР), в 1918 году председатель Киевского губернского земства и Всеукраинского союза земств, с ноября 1918 года член Директории, командующий войсками (головной атаман) УНР, в 1919–1920 годах председатель Директории, с лета 1920 года в эмиграции.

⁹² Бандера С. А. (1909–1959) — один из лидеров украинского националистического движения в 30–50-х годах, руководитель Организации украинских националистов.

⁹³ Шепилов Д. Т. Непримкнувший. М. 2001. С. 176.

⁹⁴ Корнейчук А. Е. (1905–1972) — драматург. В 1934–1941 годах и с 1946 года председатель Союза советских писателей Украинской ССР, в 1941–1943 годах политработник политуправления Юго-Западного фронта, в 1943–1944 годах заместитель наркома иностранных дел СССР, в 1944 году нарком иностранных дел Украинской ССР, в 1945–1946 годах начальник управления по делам искусств при СНК Украинской ССР.

⁹⁵ См.: Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: размышления о И. В. Сталине. М. 1990. С. 356–357.

⁹⁶ Павлов Д. Г. (1897–1941) — в 1937–1940 годах заместитель начальника, начальник Автобронетанкового управления РККА, в 1940–1941 годах командующий войсками Белорусского (Западного) Особого военного округа, в 1941 году командующий Западным фронтом. В июле 1941 года арестован и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян. Реабилитирован в июле 1957 года.

⁹⁷ См.: Волобуев О. В., Кулешов С. В. Очищение. История и перестройка. М. 1989. С. 157; Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. Историософия сталинизма. М. 2003. С. 80–82.

⁹⁸ Подробнее см.: Боровик Г. Жестокие забавы вождя // Совершенно секретно. 2000. № 5.

⁹⁹ В журнале регистрации лиц, принятых генеральным секретарем ЦК, Судоплатов не значится. Более того, Берия на протяжении трех месяцев, в марте–мае 1939 года, практически не оставался наедине с хозяином кремлевского кабинета, за исключением 31 марта, когда он первым из посетителей вошел к Сталину в 16 часов 40 минут. Однако уже через 15 минут в кабинет явился Микоян, а вскоре за ним и Молотов.

¹⁰⁰ Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М. 1996. С. 77.

¹⁰¹ Точной даты Судоплатов опять не называет.

¹⁰² Так в тексте.

¹⁰³ Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М. 1996. С. 88–89.

¹⁰⁴ Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1992. С. 56.

¹⁰⁵ См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. М. 1958. С. 27–28.

¹⁰⁶ Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1992. С. 57–59, 64–65.

¹⁰⁷ Рыбальченко Ф. Т. (1898–1950) — в мае–декабре 1944 года начальник штаба 3-й гвардейской армии, в январе–июле 1946 года начальник штаба Приволжского военного округа. В 1947 году арестован и в августе 1950 года приговорен Военной коллегии Верховного суда СССР к расстрелу. Реабилитирован в 1956 году.

¹⁰⁸ На донесении имеются рукописные пометы: «Тов. Сталин предложил пока арестовать Рыбальченко. В. Абакумов» и «Передано по телефону. З.И.47».

¹⁰⁹ Приведем также отрывок из подписанной Абакумовым справки о разговоре между Гордовым и его женой Татьяной Владимировной.

«Гордов. ...Ты все время говоришь — иди к Сталину. Значит, пойди к нему и сказать: „Виноват, ошибся, я буду честно вам служить, преданно“. Кому? Подлости буду честно служить, дикости?! Инквизиция сплошная, люди же просто гибнут!..

Т. В. — ...Вот сломили такой дух как Жуков.

Гордов. — Да. И духа нет.

Т. В. — И он сказал — извините, больше не буду, и пошел работать. Другой бы, если бы был с таким убеждением, как ты, он бы попросился в отставку и ушел от всего этого.

Гордов. — Ему нельзя, политически нельзя. Его все равно не уволят. Сейчас только расчищают тех, кто у Жукова был мало-мальски в доверии, их убирают. А Жукова год–два подержат, а потом тоже — в кружку и все! Я очень много недоучел. На чем я сломил голову свою? На том, на чем сломили такие люди — Уборевич, Тухачевский и даже Шапошников.

Т. В. — Его информировали не так, как надо, после того, как комиссия еще раз побывала.

Гордов. — Нет эта комиссия его информировала, по-моему, правильно, но тут вопрос стоял так: или я должен сохраниться, или целая группа людей должна была скончаться — Шикин, Голиков и даже Булганин, потому что все это приторочили к Жукову. Значит, если нужно было восстановить Жукова, Гордова, тогда булганинщина, шиковщина и голиковщина должны были пострадать.

Т. В. — Они не военные люди.

Гордов. — Абсолютно не военные. Вот в чем весь фокус. Ты думаешь, я не думал над этим?

Т. В. — Когда Жукова сняли, ты мне сразу сказал: все погибло. Но ты должен согласиться, что во многом ты сам виноват.

Гордов. — Если бы я не был виноват, то не было бы всего этого. Значит, я должен был дрожать, рабски дрожать, чтобы они мне дали должность командующего, чтобы хлеб дали мне и семье? Не могу я! Что меня погубило — то, что меня избрали депутатом. Вот в чем моя гибель. Я поехал по районам, и когда я все увидел, все это страшное, — тут я совершенно переродился. Не мог я смотреть на это. Отсюда у меня пошли настроения, мышления, я стал высказывать их тебе, еще кое-кому, и это пошло как платформа. Я сейчас говорю, у меня такие убеждения, что если сегодня снимут колхозы, то завтра будет порядок, будет рынок, будет все. Дайте людям жить, они имеют право на жизнь, они завоевали себе жизнь, отстаивали ее!

Т. В. — Сейчас никто не стремится к тому, чтобы ... жить для общества.

Гордов. — Общества-то нет.

Т. В. — Если даже есть — кучка, но для нее неинтересно жить.

Гордов. — А умереть тоже жалко.

Т. В. — Хочется увидеть жизнь, до чего же все-таки дойдут.

Гордов. — Увидеть эту мразь?

Т.В. — Нет, это должно кончиться, конечно. Мне кажется, что если бы Жукова еще годика на два оставили на месте, он сделал бы по-другому».

¹¹⁰ Кулик Г.И. (1890–1950) — в 1937–1939 годах начальник артиллерийского управления РККА, в 1939–1941 годах заместитель наркома обороны СССР, в 1941–1943 годах командующий 54-й, 24-й и 4-й армиями, в 1944–1945 годах заместитель начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии, в 1945–1946 годах заместитель командующего войсками Приволжского военного округа. В июне 1946 года уволен в отставку, в январе 1947 года арестован и в августе 1950 года расстрелян. В сентябре 1957 года указом Президиума Верховного Совета СССР реабилитирован с посмертным восстановлением в званиях маршала Советского Союза и Героя Советского Союза и в правах на государственные награды.

¹¹¹ Семейный архив А. Н. Шефова.

¹¹² Трояновский О.А. (1919–2003) — с 1942 года на журналистской и дипломатической работе, в 1958–1967 годах помощник Председателя Совета Министров СССР, в 1967–1976 годах посол СССР в Японии, в 1976–1986 годах постоянный представитель СССР при ООН, в 1986–1990 годах посол СССР в Китае, с 1990 года на пенсии.

¹¹³ Трояновский О. Через годы и расстояния. М. 1997. С. 157.

¹¹⁴ Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1992. С. 77.

¹¹⁵ Эйзенштейн С.М. (1898–1948) — режиссер, сценарист, теоретик кино, с 1923 года руководил театральными мастерскими Пролеткульта, с 1928 года преподаватель Института кинематографии (ВГИК). Шейнин Л.Р. (1906–1967) — во второй половине 40-х годов следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры СССР. Арестован в октябре 1951 года, затем под следствием. Освобожден в ноябре 1953 года. В последствии писатель, драматург.

¹¹⁶ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. М. 1999. С. 499–500.

¹¹⁷ Марьямов Г. Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М. 1992. С. 73.

¹¹⁸ Черкасов Н.К. (1903–1966) — актер театра и кино.

¹¹⁹ Чирков Б.П. (1901–1982) — актер театра и кино, исполнитель роли Максима в кинотрилогии «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона».

¹²⁰ Приведем несколько отрывков из этой беседы.

«В 10 часов 50 минут пришли в приемную. Ровно в 11 часов вышел Поскребышев проводить нас в кабинет.

В глубине кабинета — Сталин, Молотов, Жданов.

Входим, здороваемся, садимся за стол. <...>

Мы говорим о том, что мы разрезали вторую серию на две части, отчего Ливонский поход не попал в эту картину и получилась диспропорция между отдельными ее частями, и исправлять картину нужно в том смысле, что сократить часть заснятого материала и доснять, в основном, Ливонский поход.

Сталин. Вы историю изучали?

Эйзенштейн. Более или менее...

Сталин. Более или менее?.. Я тоже немножко знаком с историей. У вас неправильно показана опричнина. Опричнина — это королевское войско. В отличие от феодальной армии, которая могла в любой момент сворачивать свои знамена и уходить с войны, — образовалась регулярная армия, прогрессивная армия. У вас опричники показаны, как ку-клус-клан.

Эйзенштейн сказал, что они одеты в белые колпаки, а у нас — в черные.

Молотов. Это принципиальной разницы не составляет.

Сталин. Царь у вас получился нерешительный, похожий на Гамлета. Все ему подсказывают, что надо делать, а не он сам принимает решения... Царь Иван был великий и мудрый правитель и если его сравнить с Людовиком XI (вы читали о Людовике XI, который готовил абсолютизм для Людовика XIV?), то Иван Грозный по отношению к Людовику на десятом небе. Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния. В показе Ивана Грозного в таком направлении были допущены отклонения и неправильности. Петр I — тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, слишком раскрыл ворота и допустил иностранное влияние в страну, допустив онемечивание России. Еще больше допустила его Екатерина. И дальше. Разве двор Александра I был русским двором? Разве двор Николая I был русским двором? Нет. Это были немецкие дворы.

Замечательным мероприятием Ивана Грозного было то, что он первый ввел государственную монополию внешней торговли. Иван Грозный был первый, кто ее ввел, Ленин второй.

Жданов. Эйзенштейновский Иван Грозный получился неврастеником.

Молотов. Вообще сделан упор на психологизм, на чрезмерное подчеркивание внутренних психологических противоречий и личных переживаний.

Сталин. Нужно показывать исторические фигуры правильно по стилю. Так, например, в первой серии не верно, что Иван Грозный так долго целуется с женой. В те времена это не допускалось.

Жданов. Картина сделана в византийском уклоне, и там тоже это не практиковалось.

Молотов. Вторая серия очень зажата сводами, подвалами, нет свежего воздуха, нет шири Москвы, нет показа народа. Можно показывать разговоры, можно показывать репрессии, но не только это.

Сталин. Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким. Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал... Нужно было быть еще решительнее.

Молотов. Исторические события надо показывать в правильном осмыслении. Вот, например, был случай с пьесой Демьяна Бедного „Богатыри“. Демьян Бедный там издевался над крещением Руси, а дело в том, что принятие христианства для своего исторического этапа было явлением прогрессивным.

Сталин. Конечно, мы не очень хорошие христиане, но отрицать прогрессивную роль христианства на определенном этапе нельзя. Это событие имело очень крупное значение, потому что это был поворот русского государства на смыкание с Западом, а не ориентация на Восток.

Об отношении с Востоком Сталин говорит, что, только что освободившись от татарского ига, Иван Грозный торопился объединить Россию с тем, чтобы быть оплотом против возможных набегов татар. Астрахань была покорена, но в любой момент могла напасть на Москву. Крымские татары также могли это сделать.

Сталин. Демьян Бедный представлял себе исторические перспективы неправильно. Когда мы передвигали памятник Минину и Пожарскому ближе к храму Василия Блаженного, Демьян Бедный протестовал и писал о том, что памятник надо вообще выбросить и вообще надо забыть о Минине и Пожарском. В ответ на это письмо я назвал его „Иваном, не помнящим своего родства“. Историю мы выбрасывать не можем...

Дальше Сталин делает ряд замечаний по поводу трактовки образа Ивана Грозного и говорит о том, что Малюта Скуратов был крупным военачальником и героически погиб в войну с Ливонией.

Черкасов в ответ на то, что критика помогает и что Пудовкин после критики сделал хороший фильм „Адмирал Нахимов“, сказал: „Мы уверены в том, что мы сделаем не хуже, ибо я работаю над образом Ивана Грозного не только в кино, [но] и в театре, полюбил этот образ и считаю, что наша переделка сценария может оказаться правильной и правдивой“.

На что Сталин ответил (обращаясь к Молотову и Жданову): „Ну что ж, попробуем“.

Черкасов. Я уверен в том, что переделка удастся.

Сталин. Дай вам бог, каждый день — новый год. (Смеется.)

Эйзенштейн. Мы говорим, что в первой серии удался ряд моментов, и это нам дает уверенность в том, что мы сделаем и вторую серию.

Сталин. Что удалось и хорошо, мы сейчас не говорим, мы говорим сейчас только о недостатках.

Эйзенштейн спрашивает о том, что не будет ли еще каких-либо специальных указаний в отношении картины.

Сталин. Я даю вам не указания, а высказываю замечания зрителя. Нужно исторические образы правдиво отображать. Ну, что нам показали Глинку? Какой это Глинка? Это же — Максим, а не Глинка. Артист Чирков не может перевоплощаться, а для актера самое главное качество — уметь перевоплощаться. (Обращаясь к Черкасову.) Вот вы перевоплощаться умеете.

На что Жданов говорит, что Черкасову не повезло с Иваном Грозным. Тут была еще паника с „Весной“, и он стал играть дворников — в картине „Во имя жизни“ он играет дворника.

Черкасов говорит, что он играл большинство царей и играл даже Петра Первого и Алексея.

Жданов. По наследственной линии. По наследственной переходили...

Сталин. Нужно правильно и сильно показывать исторические фигуры. (К Эйзенштейну.) Вот, Александра Невского — вы компоновали? Прекрасно получилось. Самое важное — соблюдать стиль исторической эпохи. Режиссер может отступать от истории; неправильно, если он будет просто списывать детали из исторического материала, он должен работать своим воображением, но — оставаться в пределах стиля. Режиссер может варьировать в пределах стиля исторической эпохи.

Жданов говорит, что Эйзенштейн увлекается тенями (что отвлекает зрителя от действия) и бородой Грозного, что Грозный слишком часто поднимает голову, чтобы было видно его бороду.

Эйзенштейн обещает в будущем бороду Грозного укоротить.

Сталин (вспоминая отдельных исполнителей первой серии „Ивана Грозного“.) Курбский — великолепен. Очень

хорош Старицкий (артист Кадочников.) Он очень хорошо ловит мух. Тоже: будущий царь, а ловит руками мух! Такие детали нужно давать. Они вскрывают сущность человека. <...>

Черкасов спрашивает о некоторых частностях картины и о внешнем облике Ивана Грозного.

Сталин. Облик правильный, его менять не нужно. Хороший внешний облик Ивана Грозного.

Черкасов. Сцену убийства Старицкого можно оставить в сценарии?

Сталин. Можно оставить. Убийства бывали.

Черкасов. У нас есть в сценарии сцена, где Малюта Скуратов душит митрополита Филиппа.

Жданов. Это было в Тверском Отроч-монастыре?

Черкасов. Да. Нужно ли оставить эту сцену?

Сталин сказал, что эту сцену оставить нужно, что это будет исторически правильно.

Молотов говорит, что репрессии вообще показывать можно и нужно, но надо показать, почему они делались, во имя чего. Для этого нужно шире показать государственную деятельность, не замыкаться только сценами в подвалах и закрытых помещениях, а показать широкую государственную деятельность.

Черкасов высказывает свои соображения по поводу будущего переделанного сценария, будущей второй серии.

Сталин. На чем будет кончаться картина? Как лучше сделать еще две картины, то есть 2-ю и 3-ю серии? Как мы это думаем вообще сделать?

Эйзенштейн говорит, что лучше соединить снятый материал второй серии с тем, что осталось в сценарии, — в одну большую картину.

Все с этим соглашаются.

Сталин. Чем будет у нас кончаться фильм?

Черкасов говорит, что фильм будет кончаться разгромом Ливонии, трагической смертью Малюты Скуратова, походом к морю, где Иван Грозный стоит у моря в окружении войска и говорит: «На морях стоим и стоять будем!»

Сталин. Так оно и получилось, и даже немножко больше.

Черкасов спрашивает, что нужно ли наметку будущего сценария фильма показывать для утверждения Политбюро?

Сталин. Сценарий представлять не нужно, разберитесь сами. Вообще по сценарию судить трудно, легче говорить о готовом произведении. (К Молотову.) Вы, вероятно, очень хотите прочесть сценарий?

Молотов. Нет, я работаю несколько по другой специальности. Пускай читает Большаков. Эйзенштейн говорит о том, что было бы хорошо, если бы с постановкой этой картины не торопили.

Это замечание находит оживленный отклик у всех.

Сталин. Ни в каком случае не торопитесь, и вообще поспешные картины будем закрывать и не выпускать. Репин работал над „Запорожцами“ 11 лет.

Молотов. 13 лет.

Сталин (настойчиво). 11 лет.

Все приходят к заключению, что только длительной работой можно действительно выполнить хорошие картины.

По поводу фильма „Иван Грозный“ Сталин говорил, что если нужно полтора–два года, даже три года для постановки фильма, то делайте в такой срок, но чтобы картина была сделана хорошо, чтобы она была сделана „скульптурно“. Вообще мы сейчас должны поднимать качество. Пусть будет меньше картин, но более высокого качества. Зритель наш вырос, и мы должны показывать ему хорошую продукцию.

<...>

Сталин. Артист Жаров неправильно, несерьезно отнесся к своей роли в фильме „Иван Грозный“. Это несерьезный военачальник.

Жданов. Это не Малюта Скуратов, а какой-то „шапокляк“!

Сталин. Иван Грозный был более национальным царем, более предусмотрительным, он не впускал иностранное влияние в Россию, а вот Петр — открыл ворота в Европу и напустил слишком много иностранцев.

Черкасов говорит о том, что, к сожалению, и к своему стыду он не видел второй серии картины „Иван Грозный“. Когда картина была смонтирована и показана, он в то время находился в Ленинграде.

Эйзенштейн добавляет, что он тоже в окончательном виде картину не видел, так как сразу после ее окончания заболел.

Это вызывает большое удивление и оживление.

Разговор кончается тем, что Сталин желает успеха и говорит: „Помогай бог!“ <...>»

(Марьямов Г. Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М. 1992. С. 84–92).

¹²¹ Имеется в виду внутренний телефон.

¹²² Семейный архив Ю. С. Соловьева.

¹²³ ЗИС-110 был оснащен средствами подвижной радиосвязи в 1946 г. См.: Главный гараж России.

От Собственного Его Императорского Величества гаража до Гаража особого назначения. 1907–2007. М. 2007. С. 178.

¹²⁴ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М. 2000. С. 21–22.

¹²⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М. 1991. С. 252.

¹²⁶ Джугашвили Я.И. (1908–?) — сын И. В. Сталина (Джугашвили) и Е. С. Сванидзе. Окончил Артиллерийскую академию имени Ф. Э. Держинского. В июне–июле 1941 года командир 6-й батареи 2-го дивизиона 14-го гаубичного артиллерийского полка 14-й танковой дивизии.

О пленении Я. Джугашвили см.: Жилые В. «Пленник». Был ли сын Сталина в немецких концлагерях? // Родина. 2002. № 9. С. 88–95.

¹²⁷ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М. 1974. Т. 2. С. 315–317.

¹²⁸ Жуков Г.К. Битва за Москву // В кн.: Война. Народ. Победа. 1941–1945. Кн. 1. М. 1976. С. 70.

¹²⁹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. М. 1995. Т. 2. С. 259.

¹³⁰ Из документов известно, что 2 декабря 1941 года было рассчитано количество нарядов по трассе следования в случае эвакуации вождя, а еще через пять дней подготовили справку о порядке посадки на спецпоезда 1-го отдела НКВД.

¹³¹ На самой даче тогда же близ главного входа установили спаренный зенитный пулемет. Руководил пулеметным расчетом один из офицеров охраны — лейтенант госбезопасности Туков.

¹³² Семейный архив А. Н. Шефова. Эта листовка хранилась в книжном шкафу в первой комнате среди книг по военным вопросам.

¹³³ Одновременно с бункером на «Ближней» строилось бомбоубежище на территории Кремля. На окнах же кремлевской квартиры и кабинета Сталина были смонтированы специальные бронированные ставни толщиной 10–15 мм, закрывавшиеся изнутри.

¹³⁴ Артемьев П.А. (1897–1979) — в 1938–1941 годах командир дивизии особого назначения войск НКВД, затем начальник управления оперативных войск НКВД СССР, в 1941–1947 годах командующий войсками Московского военного округа, одновременно в 1941–1943 годах командующий войсками Московской зоны обороны, в 1947–1948 годах слушатель курсов при Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова, в 1949–1953 годах командующий войсками Московского военного округа, в 1953–1960 годах заместитель, первый заместитель командующего войсками Уральского военного округа, с 1960 года в отставке.

¹³⁵ Котляр Л.З. (1901–1953) — в 1940–1941 годах начальник управления Главного военно-инженерного управления РККА, в 1941–1942 годах начальник Главного военно-инженерного управления, начальник инженерных войск РККА, в апреле–сентябре 1942 года генерал-инспектор инспекции инженерных войск, в 1942–1945 годах начальник инженерных войск Воронежского, Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов, в 1945–1951 годах начальник Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева.

¹³⁶ Ширяев С.И. (1920–?) — в 1941 г. начальник отдела укрепрайонов Генштаба РККА.

¹³⁷ Вот что докладывали Берии: «По Вашему заданию 5-го октября в 17 часов мы выехали с двумя опергруппами по маршруту Москва — Подольск — Малый Ярославец — Ильинское.

В результате ознакомления с положением на месте, опроса отходящих военнослужащих и разведки установлено следующее: 2 октября на стыке 43-й и 33-й армий противник просочился в сторону Кирова, занял Киров и Спасск-Деменск.

5 октября в 6 км южнее Юхнова противником был выброшен парашютный десант, состоящий ориентировочно из 40 человек и 12 танкеток.

К 18 часам 5 октября противник силой до одного батальона при 12 танкетках с минометами, заняв Юхнов, вышел на рубеж реки Угра и оседлал Варшавское шоссе, где вступил в бой с находившимся в этом районе авиадесантным батальоном нашей 53-й авиабригады.

После того как противник просочился в стыке 33 и 43 армий, тыловые части этих армий начали панически бежать и 5 октября с раннего утра растянулись по шоссе до самой Москвы...

Юхнов и Медынь сильно пострадали от бомбежки вражеских самолетов, которая производилась несколько раз. Возникло много пожаров. В 3-х км от Ильинского от сброшенных бомб крупного калибра разрушено шоссе и порвана телефонная связь.

Для уничтожения противника на реку Угра из Ильинского выброшена одна рота курсантов Подольских курсов и 2 противотанковых батареи с задачей соединиться с нашим десантным батальоном, находящимся на Угре.

В Ильинском из числа задержанных красноармейцев и начсостава по состоянию на 22–23 часа 5.X организо-

ван отряд для обороны в составе 300 человек, который расположился на линии укрепрайона № 37. У отряда две пушки 75 мм, 3 ППД, 3 станковых пулемета, один ручной пулемет, 206 винтовок. Командует этим отрядом начальник Мало-Ярославецкого гарнизона полковник СМИРНОВ.

Кроме того, по пути из Малого Ярославца в Ильинское находились на 24 часа 5.Х 64-й гаубичный полк в составе 5-ти орудий 152 мм гаубиц, 10-ти орудий 122 мм гаубиц.

По пути от Москвы через Подольск в направлении Малого Ярославца следуют колонны войск — артиллерия и пехота.

В связи с тем, что большое количество наземных частей движется в настоящее время по Варшавскому шоссе, необходимо в самом срочном порядке организовать патрулирование истребительной авиации в районе Варшавского шоссе для отражения налетов противника.

МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ КЛЕПОВ СТ. МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ЛЕОНТЬЕВ»

(Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 210–211).

¹³⁸ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: размышления о И. В. Сталине. М. 1990. С. 351.

¹³⁹ Анфилов В. А. «...Разговор закончился угрозой Сталина». Десять неизвестных бесед с маршалом Г. К. Жуковым в мае–июне 1965 года // Военно-исторический журнал. 1995. № 3. С. 44.

¹⁴⁰ См.: Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М. 1996. С. 173–176.

¹⁴¹ Шпеер А. (1905–1981) — в 1942–1945 годах министр вооружений и боеприпасов Германии.

¹⁴² Шпеер А. Воспоминания. Смоленск. 1996. С. 419.

¹⁴³ Тюленев И. В. (1892–1978) — в 1940–1941 годах командующий войсками Московского военного округа, в 1941–1942 годах командующий Южным фронтом, 28-й армией, в 1942–1945 годах командующий Закавказским военным округом и фронтом, в 1945–1946 годах командующий войсками Харьковского военного округа, с 1946 года в центральном аппарате Министерства обороны, с 1958 года в группе генеральных инспекторов Министерства обороны.

¹⁴⁴ Тюленев И. В. Через три войны. М. 1972. С. 147–148.

¹⁴⁵ Приводим полный текст постановления: «Ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской оборонительной линии Государственный Комитет Оборона постановил:

1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев (НКПС — т. Каганович обеспечивает своевременную подачу составов для миссий, а НКВД — т. Берия организует их охрану).

2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также Правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).

3. Немедля эвакуироваться органам Наркомата Оборона в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба — в Арзамас.

4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД — т. Берия и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию).

Председатель Государственного Комитета Оборона

СССР И. СТАЛИН»

(Горьков Ю. Государственный комитет обороны постановляет. 1941–1945. Цифры. Документы. М. 2002. С. 506).

¹⁴⁶ Из беседы с И. М. Орловым. Семейный архив А. Н. Шефова.

¹⁴⁷ Рыбин А. Т. Сталин в октябре 1941 г. М. 1995. С. 10.

¹⁴⁸ Рыбин А. Т. Сталин в октябре 1941 г. М. 1995. С. 9.

¹⁴⁹ Шадрин Д. Н. (1906–?) — в феврале–апреле 1941 года начальник 3-го отдела НКГБ СССР, в апреле–июле 1941 года заместитель начальника 1-го отдела НКГБ СССР, в 1941–1943 годах заместитель начальника 1-го отдела НКВД СССР, в 1943–1946 годах начальник 2-го отдела — заместитель начальника 6-го управления НКГБ — МГБ СССР, в 1946–1949 годах заместитель начальника, начальник управления охраны 2-го Главного управления охраны МГБ СССР, в 1949–1950 годах в распоряжении управления кадров МГБ СССР, с 1950 года заместитель начальника УМГБ — УМВД — УКГБ Куйбышевской области.

¹⁵⁰ Рыбин А. Т. Сталин в октябре 1941 г. М. 1995. С. 9.

¹⁵¹ Подробнее об обстановке в столице, настроениях населения и мероприятиях властей см.: Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М. 1995; Известия ЦК КПСС. 1991. № 1, 2, 4.

¹⁵² В документе указаны самолеты Л-3. Очевидно, имеются в виду транспортные самолеты Ли-2.

¹⁵³ Спиридонов Н. К. (1902–1976) — в 1938 году начальник 3-го спецотдела НКВД СССР, в 1938–1953 годах начальник управления коменданта Кремля НКВД — НКГБ — МГБ СССР, комендант Кремля, с 1953 года в отставке.

¹⁵⁴ См.: Жиляев В. «Пленник». Был ли сын Сталина в немецких концлагерях? // Родина. 2002. № 9. С. 88–95.

¹⁵⁵ Ежов Н. И. (1895–1940) — в 1922–1927 годах секретарь Семипалатинского губкома и Казахского крайкома РКП(б) — ВКП(б), в 1927–1929 годах заместитель заведующего учетно-распределительным отделом ЦК ВКП(б), в 1929–1930 годах заместитель наркома земледелия СССР, в 1930–1934 годах заведующий распределотделом, отделом кадров ЦК ВКП(б), в 1934–1935 годах заместитель председателя, в 1935–1939 годах председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), одновременно в 1934–1935 годах заведующий промышленным отделом ЦК ВКП(б), в 1935–1936 годах заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), в 1935–1939 годах секретарь ЦК ВКП(б), в 1936–1938 годах нарком внутренних дел СССР, в 1938–1939 годах нарком водного транспорта СССР. 10 апреля 1939 года арестован, 4 февраля 1940 года расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Не реабилитирован.

¹⁵⁶ Подробнее см.: Трагедия в Медведевском лесу. О расстреле политзаключенных Орловской тюрьмы // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11.

¹⁵⁷ «Государственный комитет обороны товарищу СТАЛИНУ

В связи с военными действиями между СССР и Германией, некоторая — наиболее озлобленная часть содержащихся в местах заключения НКВД преступников ведет среди заключенных пораженческую агитацию и пытается подготовить побеги для возобновления подрывной работы.

Представляя при этом список на 170 заключенных, разновременно осужденных за террористическую, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу, НКВД СССР считает необходимым применить к ним высшую меру наказания — расстрел.

Рассмотрение материалов поручить Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

Прошу Ваших указаний.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия» (Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 124–125).

¹⁵⁸ Жигарев П. Ф. (1904–1963) — в 1941–1942 годах заместитель наркома обороны СССР и начальник Главного управления ВВС, в 1942–1945 годах командующий ВВС Дальневосточного фронта, в 1946–1949 годах первый заместитель главнокомандующего, в 1949–1957 годах главнокомандующий ВВС, одновременно в 1949–1955 годах заместитель военного министра (министра обороны) СССР, в 1955–1957 годах первый заместитель министра обороны СССР, в 1957–1959 годах начальник Главного управления Гражданского воздушного флота, в 1959–1963 годах начальник Военной командной академии ПВО.

¹⁵⁹ Яковлев Н. Д. (1898–1972) — в 1941–1948 годах начальник Главного артиллерийского управления и член Военного совета Красной армии, одновременно с 1946 года первый заместитель командующего артиллерией, в 1948–1951 годах заместитель министра Вооруженных сил СССР. В 1952 году арестован, в 1953 году освобожден и реабилитирован. В 1953–1955 годах первый заместитель командующего, в 1955–1960 годах главнокомандующий войсками ПВО, с 1960 года в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

¹⁶⁰ Новиков А. А. (1900–1976) — в 1941–1942 годах командующий ВВС Северного и Ленинградского фронтов, в 1942–1946 годах командующий ВВС Красной армии, одновременно заместитель наркома обороны (министра Вооруженных сил) СССР. В 1946 году арестован, в 1953 году освобожден и реабилитирован. В 1953–1955 годах командующий дальней авиацией, одновременно в 1954–1955 годах заместитель главнокомандующего ВВС, с 1956 года на пенсии. В 2000 году реабилитирован в соответствии с Законом РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».

¹⁶¹ Щаденко Е. А. (1885–1951) — в 1941–1943 годах заместитель наркома обороны СССР — начальник Главного управления формирования и укомплектования войск РККА, в 1943–1944 годах член Военного совета Южного, 4-го Украинского фронтов, с 1945 года в аппарате Наркомата обороны.

¹⁶² Кузнецов Н. Г. (1902–1974) — в 1937–1938 годах заместитель командующего, в 1938–1939 годах командующий Тихоокеанским флотом, в 1939–1946 годах нарком Военно-морского флота СССР и главнокомандующий ВМС, в 1946–1947 годах главнокомандующий ВМС — заместитель наркома Вооруженных сил СССР, в 1947–1948 годах начальник управления военно-морских учебных заведений, в 1948–1950 годах заместитель главнокомандующего войсками Дальнего Востока по военно-морским силам, в 1951–1953 годах военно-морской министр СССР, в 1953–1955 годах первый заместитель министра обороны СССР и главнокомандующий ВМС, с 1956 года в отставке.

¹⁶³ Исторический архив. 1996. № 2. С. 64.

¹⁶⁴ Во исполнение постановления ГКО Военная коллегия Верховного суда под председательством В. В. Ульяхова, не утруждая себя ни возбуждением уголовного дела, ни проведением предварительного следствия и судебного разбирательства, вынесла обвинительный приговор 161 заключенному Орловской тюрьмы. Как упоминалось, список на 170 заключенных составлялся в спешке, 9 человек вообще включили в него по ошибке. Одни к тому моменту уже умерли, другие были переведены в иные места заключения. Более того, в списке значилась фамилия человека, которого оправдали еще в мае 1941 года за отсутствием состава преступления, но продолжали содержать в Орловской тюрьме. Его ликвидировали вместе со всеми «осужденными». 11 сентября в Медведевском лесу в десяти километрах от Орла были расстреляны 157 человек. Еще четверых при-

говоренных расстреляли в тех тюрьмах, где они содержались.

¹⁶⁵ Подробнее см.: Ю. Васильев. Тайна Медведевского леса // Гласность. 1990. 22 ноября.

¹⁶⁶ Одним из поводов для широкомасштабной чистки рядов командного состава противовоздушной обороны и военно-воздушных сил послужил несанкционированный советскими властями полет немецкого транспортно-пассажирского самолета. 15 мая 1941 года на Центральном аэродроме столицы Советского Союза приземлился «юнкерс» с опознавательными знаками «Люфтганзы». Скандал разразился оттого, что тихоходный самолет дружественной в то время державы, пролетевший от Белостока до Москвы через Минск и Смоленск, не обнаружил ни одна из частей ПВО. (Подробнее см.: Жирнов Е. Враги прилетели // Коммерсантъ Власть. 2001. 5 июня.) Выяснение причин, как и следовало ожидать, привело к «разоблачению» очередного «заговора» всецело подконтрольными генсеку карательными органами.

Можно было обвинить пилотов в халатности, разгильдяйстве, выяснить действительные причины, по которым обнаружил «юнкерс» не удалось, но генсека такой подход не устраивал. Подвергшийся жесточайшим пыткам по указанию вождя начальник управления ПВО генерал-полковник Г. М. Штерн показал на допросе, что с 1931 года являлся участником военно-заговорщической организации и агентом немецкой разведки. Вместе со Штерном были арестованы заместитель наркома обороны генерал-лейтенант П. В. Рычагов, помощник начальника Генштаба по авиации Я. В. Смушкевич, командующий войсками Прибалтийского военного округа генерал-полковник А. Д. Локтионов, начальник штаба ВВС П. С. Володин, начальник Военной академии ВВС генерал-лейтенант Ф. К. Арженухин, замначальника управления вооружений Главного управления ВВС И. Ф. Сакриер и десятки других командиров. Как водится, аресту подлежали и члены семей «врагов народа». 24 июня прямо на летном поле арестовали жену Рычагова — известную военную летчицу, замкомандира авиаполка майора М. П. Нестеренко.

¹⁶⁷ В начале войны продолжались репрессии военнослужащих по обвинениям в «антисоветском военном заговоре». В материалах следствия содержатся «данные» о вовлечении обвиняемых в заговор Уборевичем, Якиром и другими «врагами народа», расстрелянными в конце 30-х годов. В состав заговорщиков были включены нарком вооружений Ванников, арестованный 7 июня 1941 года, заместитель наркома обороны Мерецков, начальник Главного артиллерийского управления Красной армии генерал-майор Савченко, его заместитель генерал-майор Каюков, начальник Разведуправления генерал-лейтенант Проскуров, артиллерийский конструктор Таубин и многие-многие другие. Участников «антисоветского военного заговора» продолжали арестовывать и в конце 1941 года, и в 1942–1943 годах. Многие из них арестовывались по показаниям тех обвиняемых, кого допрашивали еще в 1937–1938 годах.

¹⁶⁸ Вот его текст: «Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100–120 км западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову, а на начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта т. Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах. В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны ПОСТАНОВИЛ:

1. Ввести с 20 октября 1941 г. в г. Москве и прилегающих к городу районах осадное положение.
 2. Воспретить всякое уличное движение как отдельных лиц, так и транспортов с 12 час. ночи до 5 час. утра, за исключением транспортов и лиц, имеющих специальные пропуска от коменданта г. Москвы, причем в случае объявления воздушной тревоги передвижение населения и транспортов должно происходить согласно правилам, утвержденным московской противовоздушной обороной и опубликованным в печати.
 3. Охрану строжайшего порядка в городе и в пригородных районах возложить на коменданта г. Москвы генерал-майора т. Синилова, для чего в распоряжение коменданта предоставить войска внутренней охраны НКВД, милиции и добровольные отряды.
 4. Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.
- Государственный Комитет Обороны призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всякое содействие.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин» (Правда. 1941. 20 октября).

¹⁶⁹ Синилов К. Р. (1902–1957) — с сентября 1941 года командир мотострелковой дивизии войск НКВД, в 1941–1953 годах комендант г. Москвы.

¹⁷⁰ Вот одно из первых донесений Синилова Берии и Артемьеву: «С 21 часа до 24 часов 20.10.41 произведена оперативная проверка домовладений, вокзалов, ресторанов, гостиниц и других мест концентрации граждан города.

В обходах и облавах участвовало 2500 бойцов и командиров войсковых частей, 3017 чел. работников милиции. Всего 5517 человек с общим количеством групп 278.

В результате операции по городу задержано 283 чел.

Из них: дезертиров 26 ч., нарушителей паспортного закона 244 ч., за проституцию 13 ч.

Все задержанные проверяются» (Известия ЦК КПСС.

1991. № 2. С. 215). Об осадном положении в Москве см. также: Исторический архив, 1997, № 3. С. 91–99.

¹⁷¹ См.: Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М. 1995. С. 551–552.

¹⁷² Логинов В. Тени Сталина. Генерал Власик и его соратники. М. 2000. С. 128.

¹⁷³ Вот его текст: «В последние годы, мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны. Но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божью помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред родиной и верой и выходили победителями.

Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства.

Вспомним святых вождей русского народа, например Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника.

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: «Больши сея любви никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя». Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради родины. Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией, а если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно «ради Иисуса, а не ради хлеба куса», как выражался святитель Димитрий Ростовский. Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей.

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины.

Господь нам дарует победу.

Патриарший местоблюститель смиренный Сергей,

митрополит Московский и Коломенский». (Цит. по: Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М. 1995. С. 44–46.)

¹⁷⁴ Голубев К. Д. (1896–1956) — в 1941 году командующий 10-й, 13-й армиями, в 1941–1944 годах командующий 43-й армией, затем в распоряжении Ставки ВГК, в 1944–1949 годах заместитель, первый заместитель уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации граждан СССР, в 1949–1953 годах преподаватель Военной академии Генерального штаба.

¹⁷⁵ В донесении командующего 43-й армией говорилось:

«Тов. СТАЛИН!

Разрешите, пользуясь случаем, что к Вам едет генерал-лейтенант тов. Петров, обратиться с кратким, вполне откровенным докладом:

1. Авиация тов. Петрова нашей 43 армии крепко помогла, как массированными ударами по группировкам противника, так и по прикрытию своих войск, в частности 93 с.[трелковой] д.[ивизии]. Хотелось бы, чтобы эта

помощь под руководством тов. Петрова была бы и впредь.

2. Армия перестала бежать и около 20 суток бьет морду противнику; на Подольск его не пускает и не пустит. Пришлось в гуще боя человек 30 расстрелять, кого надо — обласкать, и до 600 человек представили к правительственной награде.

3. Сейчас много работаем над тем, чтобы сделать нашу оборону противотанковой, противопехотной, против артиллерийской и противовоздушной. Подводим итоги боев, с задачей к грядущим боям подготовиться еще лучше. Стараемся теоретически и практически обобщить этот опыт в штабах, передать его в войска, в академии и школы. Стараемся передать его молодому пополнению и вновь прибывающим частям. В войсках сейчас минометы наши получили права гражданства, и не только, немцы действуют ими, но и мы бьем их этим оружием. Хорошо также то, что много убитых и раненых немцев гибнет от наших пуль, — это значит личное оружие, бойцов стало действовать лучше. Не очень ещё хорошо, но лучше стала работать наша разведка. Почти ежедневно имеем пленных, причем отрадно то, что видят воочию все наши жалкий облик немецкого солдата (плохо одеты, часто голодные, вшивые, грязные, часто морально подавленные). Мы не отдадим им больше ни одной деревни, все их будем разрушать и сжигать, чтобы заморозить немцев. Я ответственно рапортую Вам о хорошей работе в целом нашей артиллерии и в частности РС [РС — „катюши“. — *Авт.*]. Хорошо также работает зенитная артиллерия, которая за 10 суток сбила 11 самолетов врага.

4. Мы чувствуем себя сейчас настолько крепко, что если к нашим силам добавить имеющиеся в полосе армии одну с[трелковую] д[ивизию] (19) и танковую дивизию и ту авиацию, которой руководил т. Петров, — то мы успешно выполним и наступательную задачу на том направлении, где это требуется обстановкой, где Вы прикажете.

5. Просьба:

а) перестать применять ко мне, как к командующему, политику кнута, как это имело место в первые 5 дней. На второй день по приезде меня обещали расстрелять, на третий день отдать под суд, на четвертый день грозили расстрелять перед строем армии.

Тов. Сталин! Мне ясна обстановка, задачи, ответственность, мне не менее, чем старшим начальникам, дорога партия, родина. Я в лепешку расшибусь, чтобы выполнить задачу, не боясь ничего, с группой работников подавал пример в бою, и голая ругань, угрозы расстрела, ненужное дерганье по мелочам способны только выбивать почву из-под ног, создают обстановку, когда стыдно смотреть в глаза подчиненным, которые читают эти документы и создают ненужную нервозность. Лучше, если бы старшие начальники приехали и посмотрели, как мы работаем, или бы прислали кого-нибудь. Сейчас стало лучше. Я бы не хотел, чтобы это было понято как жалоба на Военный совет фронта, отношение которого сейчас ко мне стало нормальным.

б) Дозарезу нужны сейчас лыжи и нужно теплое белье. Лыжи нужны в первую очередь для разведки. Хотим также создать при штабе армии полк лыжников, вооруженный автоматами, для действий в тылу и на флангах противника. Нужна конница, хотя бы один полк. Своими силами сформировали только эскадрон.

Командующий 43 армией генерал-майор ГОЛУБЕВ» (Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 220–221).

¹⁷⁶ См.: Волгогонов Д. А. Сталин. Политический портрет. В 2 кн. Кн. 2. М. 1996. Вклейка между с. 64 и с. 65.

¹⁷⁷ Телеграммы с текстом приказа рассылались командованию Северо-Западного, Западного, Калининского фронтов, а также командующим отдельных армий, входивших в Московскую зону обороны.

¹⁷⁸ Исторический архив. 1993. № 3. С. 149–150.

¹⁷⁹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 207.

¹⁸⁰ Из беседы с И. М. Орловым в 1959 году. Семейный архив А. Н. Шефова.

¹⁸¹ Пока документально подтверждена лишь одна сталинская поездка на фронт в начале августа 1943 года. Тогда Сталин встречался с командующими Западного и Калининского фронтов на смоленском направлении (См.: История Второй мировой войны. М. 1976. Т. 7. С. 241).

¹⁸² Постановление гласило: «В целях оказания неотложной помощи рабочей силой предприятиям угольной промышленности, черной металлургии и лесозаготовкам Наркомлеса СССР в районах Камского бассейна Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Разрешить НКО СССР во изменение порядка, установленного Постановлением ГОКО от 4 ноября 1944 года № 6884с, направить для работы на предприятия угольной промышленности, черной металлургии и на лесозаготовки Наркомлеса СССР в районы Камского бассейна военнотружеников Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, прошедших предварительную регистрацию.

2. Обязать НКО СССР (т. Смородинова) направить на предприятия угольной промышленности, черной металлургии и на лесозаготовки Наркомлеса в районы Камского бассейна военнообязанных недеобилизуемых возрастов из числа репатрируемых советских граждан, признанных по состоянию здоровья годными к военной службе и подлежащих по закону мобилизации в Красную Армию.

3. Обязать НКО СССР (т. Смородинова) в соответствии с пунктами 1 и 2 настоящего постановления направить до 1 ноября 1945 года 360 тыс. человек, из них:

а) Наркомуглю 240 тыс. человек с распределением по угольным бассейнам и комбинатам, согласно приложению № 1;

б) Наркомчермету 100 тыс. человек с распределением по предприятиям, согласно приложению № 2;

в) Наркомлесу СССР 20 тыс. человек для лесозаготовок в районе Камского бассейна.

Направление на работу в промышленность бывших военнослужащих и военнообязанных производить организованными батальонами.

4. Организацию в батальоны бывших военнопленных и военнообязанных и направление их в промышленность возложить на НКО СССР.

На каждый батальон выделять по 10 человек офицеров Красной Армии.

Размещение прибывающих для работы в промышленность батальонов, их материальное обеспечение и продовольственное снабжение возложить на соответствующие наркоматы, причём офицерский состав батальонов удовлетворять всеми видами довольствия по нормам, установленным в Красной Армии по штатным должностям.

5. Поручить комиссиям в составе представителей НКВД, НКГБ и „СМЕРШ“ НКО в местах работы организовать проверку состоящих в батальонах бывших военнопленных, обеспечив проверку в 2–3 месяца.

По окончании проверки все проверенные, за исключением лиц, подлежащих направлению в лагеря НКВД или для расселения в отдаленных районах, передаются в постоянные кадры предприятий, на которых они работают.

6. Всех выявленных при регистрации и последующей проверке органами НКВД, НКГБ и „СМЕРШ“ НКО среди бывших военнопленных и военнообязанных лиц, служивших в немецкой армии, в специальных немецких формированиях, «власовцев» и полицейских, в батальоны не включать и передавать Наркомвнуделу для расселения и использования на работах в районах Норильского и Ухтинского комбинатов НКВД СССР, Печорском угольном бассейне, а также на лесозаготовках в верховьях р. Камы Молотовской области.

Установить, что предусмотренные настоящим пунктом спецконтингенты расселяются в указанных выше районах на положении спецпереселенцев и обязаны отработать на предприятиях 6 лет.

Разрешить НКВД СССР желающим из них выписывать семьи для совместного проживания, оказывая содействие семьям спецпереселенцев в переезде к месту работы главы семьи и устройству на месте.

7. Установить, что количество бывших военнопленных, направляемых для расселения в отдаленные работы, согласно п. 6 настоящего Постановления, из числа 360 тыс. человек компенсируется Наркомуглю, Наркомчермету и Наркомлесу за счет последующих организованных поступлений бывших военнопленных в порядке, установленном в пунктах 1 и 2 настоящего Постановления, но не позже 20 декабря 1945 г.

8. Разрешить НКВД СССР (т. Чернышову) и Наркомуглю (т. Вахрушеву), из числа предназначенных для работы на предприятиях Наркомугля военнопленных немцев, направить Наркомлесу для лесозаготовок 25 тыс. человек по мере фактического получения Наркомуглем бывших военнопленных, направляемых Наркомуглю в соответствии с настоящим Постановлением.

9. Установить, что военнослужащие и военнообязанные, направляемые для работы на предприятиях Наркомугля, Наркомчермета и Наркомлеса в соответствии с настоящим Постановлением, подлежат перевозке из сборно-пересыльных пунктов и лагерей к месту работы в первую очередь.

10. Поручить т. Ковалеву (НКПС), т. Дмитриеву (ЦУП ВОСО) совместно с заинтересованными наркоматами в деkadный срок составить план перевозки рабочих, направляемых на предприятия в соответствии с настоящим постановлением, из расчета отправки не менее 10 тыс. человек ежедневно.

Т.т. Ковалеву и Дмитриеву обеспечить подачу оборудованного подвижного состава для отправки указанных рабочих к месту работы, а также организовать диспетчерское наблюдение, обеспечивающее быстрейшее движение эшелонов по назначению.

11. Разрешить Наркомуглю (т. Вахрушеву), Наркомчермету (т. Тевосяну) и Наркомлесу (т. Салтыкову) выдавать рабочим, направляемым в соответствии с настоящим Постановлением на предприятия и стройки:

а) ссуды на индивидуальное жилищное строительство в размере 15 тыс. рублей с погашением в течение 15 лет;

б) ссуды на хозяйственное обзаведение рабочим лавы и забоя в размере до 5 тыс. рублей; прочим подземным рабочим, а также рабочим, занятым на горячих и вредных работах, до 3 тыс. рублей и остальным рабочим, занятым на предприятиях указанных наркоматов, до 2 тыс. рублей со сроком погашения до 5 лет.

12. Обязать председателей исполкомов выделять рабочим, направляемым на стройки Наркомугля, Наркомчермета и Наркомлеса в соответствии с настоящим Постановлением, необходимые земельные участки для индивидуального жилищного строительства по заявкам директоров предприятий этих наркоматов.

13. Предоставить право всем военнослужащим, освобожденным из немецкого плена, военнообязанным и репатрируемым советским гражданам, направляемым на работы на предприятия в соответствии с настоящим

Постановлением, привозить к месту работы членов своих семей, с оплатой стоимости проезда за счет предприятий.

14. Обязать председателей колхозов, директоров предприятий и руководителей учреждений безоговорочно отпускать членов семей рабочих, направляемых для работы на предприятия и стройки в соответствии с настоящим Постановлением, по вызовам директоров предприятий и начальников строек.

15. Обязать Наркомуголь (т. Вахрушева), Наркомчермет (т. Тевосяна) и Наркомлес (т. Салтыкова) обеспечить прибывающих рабочих в соответствии с настоящим Постановлением оборудованным жилищем и должным культурно-бытовым обслуживанием, а также организовать производственное обучение новых рабочих.

Председатель Государственного Комитета Обороны

И. Сталин».

¹⁸³ Из беседы с Ю. С. Соловьевым в 2003 году. Семейный архив А. Н. Шефова.

¹⁸⁴ Кий отличался от других тем, что внизу был прикреплен круглый красный резиновый набалдашник. Орлов подтверждал, что этим кием Сталин пользовался чаще, чем другими. Семейный архив А. Н. Шефова.

¹⁸⁵ Логинов В. М. Тени Сталина: Генерал Власик и его соратники. М. 2000. С. 76.

¹⁸⁶ Семейный архив А. Н. Шефова.

¹⁸⁷ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М. 1990. С. 367–368.

¹⁸⁸ Возможно, именно с тех пор Хрущев невзлюбил бильярд. Как рассказывал сын А. П. Чемоданова Г. А. Чемоданов, более 50 лет возглавлявший бильярдную мастерскую в хозяйственном управлении Управления делами Совмина, вскоре после того как Хрущев стал первым секретарем ЦК КПСС, на его даче в Петрово-Дальнем построили бильярдную. Однако новоиспеченный лидер партии даже ни разу не заглянул туда.

¹⁸⁹ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М. 1974. С. 382–384.

¹⁹⁰ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М. 2000. С. 25.

¹⁹¹ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М. 1974. С. 504–508.

¹⁹² Мао Цзэдун (1893–1976) — с 1943 года председатель ЦК КПК, один из основателей партии. В 1949–1954 годах председатель Центрального народного правительства и Народно-революционного совета КНР. В 1954–1959 годах председатель КНР.

¹⁹³ Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. Сб. документов. Берлин. Чикаго. Токио. Москва. 1993. С. 157–158.

¹⁹⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Ч. 2. М. 1990. С. 8–10.

¹⁹⁵ Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 2001. С. 140.

¹⁹⁶ Директива № 1 наркома обороны, разрешавшая привести войска в боевую готовность, была передана в приграничные военные округа 22 июня в 0 часов 30 минут. Ею одновременно предписывалось не поддаваться ни на какие провокационные действия.

¹⁹⁷ Из беседы с В. М. Туковым. Семейный архив А. Н. Шефова.

¹⁹⁸ Димитров Г. М. (1882–1949) — в 1935–1943 годах генеральный секретарь Исполкома Коминтерна, с 1942 года руководитель Отечественного фронта Болгарии, с 1946 года председатель Совета Министров Народной Республики Болгарии, с 1948 года генеральный секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии.

¹⁹⁹ Мануильский Д. З. (1883–1959) — в 1921–1922 годах секретарь ЦК КП(б) Украины, в 1922–1924 годах уполномоченный Исполкома Коминтерна в Италии, в 1924–1943 годах член Исполкома Коминтерна, член Президиума Исполкома Коминтерна, в 1928–1943 годах секретарь Исполкома Коминтерна, в 1943–1944 годах заместитель заведующего отделом международной информации ЦК ВКП(б), в 1944–1953 годах заместитель Председателя Совнаркома (Совмина) и нарком (министр) иностранных дел УССР. С 1953 года на пенсии.

²⁰⁰ Кребс Г. (1898–1945) — в 1936–1939 годах помощник военного атташе в Москве, в 1939–1941 годах начальник штаба VII армейского корпуса, в 1941–1943 годах начальник штаба 9-й армии, в 1943–1944 годах начальник штаба группы армий «Центр», в 1945 году помощник начальника Генерального штаба по оперативным вопросам, начальник Генерального штаба.

²⁰¹ Чуйков В. И. (1900–1982) — в 1940–1942 годах военный атташе при полпреде СССР в Китае, в 1942–1945 годах командующий 62-й армией, в 1945–1953 годах заместитель, первый заместитель главнокомандующего, главнокомандующий Группой советских войск в Германии, одновременно в 1949–1953 годах председатель Союзной контрольной комиссии в Германии. В 1953–1960 годах командующий войсками Киевского военного округа, с 1960 года заместитель министра обороны СССР и главнокомандующий сухопутными войсками, в 1961–1972 годах начальник Гражданской обороны СССР, с 1972 года в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

²⁰² Телегин К. Ф. (1899–1981) — в 1941–1943 годах член Военного совета Московского военного округа, Донского и Центрального фронтов, в 1944–1945 годах член Военного совета 1-го Белорусского фронта, с июля

1945 года член Военного совета Группы советских войск в Германии, в апреле 1946 года отозван в распоряжение Главного политуправления Вооруженных сил СССР, с августа 1946 года слушатель Особой группы высших курсов усовершенствования политсостава, в июне 1947 года уволен из армии, в январе 1948 года арестован и в 1952 году осужден. Реабилитирован в 1953 году.

²⁰³ Текст совершенно секретного спецсообщения гласил:

«Верховному главнокомандующему Маршалу Советского Союза
Товарищу И. Сталину

2-го мая 1945 года в городе Берлин на территории имперской канцелярии рейхстага на Вильгельмштрассе, где в последнее время была ставка Гитлера, обнаружены обгоревшие трупы, в которых опознаны имперский министр пропаганды Германии доктор Геббельс и его жена.

3-го мая с. г. на той же территории в штаб-квартире Геббельса (бомбоубежище на глубине до 80 метров) обнаружены и извлечены трупы шестерых детей Геббельса.

По всем признакам трупов детей можно судить, что они были отравлены сильно действующими ядами.

Лично начальником Управления контрразведки „Смерш“ 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенантом товарищем Вадис были предъявлены обнаруженные трупы задержанным: лично представителю гросс-адмирала Деница при ставке Гитлера — вице-адмиралу Фоссу, начальнику гаража рейхсканцелярии Шнайдеру, повару Ланге, начальнику технических учреждений имперской канцелярии Циму, в которых они опознали Геббельса, его жену и детей.

При осмотре трупов Геббельса и его жены были обнаружены золотые значки партии НСДАП, 2 пистолета „Браунинг № 1“, портсигар с монограммой от Гитлера. По заявлению Фосса, золотой значок имела только единственная женщина в Германии — жена Геббельса, который ей был вручен Гитлером за 3 дня до его самоубийства, а также Фосс опознал личную подпись Гитлера на портсигаре.

На территории имперской канцелярии во дворе министерства пропаганды был обнаружен труп в форме генерала, в котором Фосс опознал генерал-лейтенанта Кребса, являвшегося начальником генерального штаба сухопутных сил

Германии. Кроме того, на подкладке мундира у левого бокового кармана обнаружена нашивка с надписью „Кребс“.

1 мая с. г. Кребс приходил в 8-ю гвардейскую армию нашего фронта в качестве парламентаря для переговоров о капитуляции. При осмотре трупа обнаружено пулевое отверстие с правой стороны подбородка с выходным отверстием в затыльной части головы, что свидетельствует о его самоубийстве.

Трупы Геббельса, его семьи, а также Кребса находятся в „Смерш“.

Командующий войсками 1 Белорусского фронта Маршал Советского Союза Жуков

Член Военного совета 1 Белорусского фронта генерал-лейтенант Телегин

3 мая 1945 года г. Берлин»

В сопроводительной справке указано время передачи спецсообщения:

«1. Принял по „ВЧ“ — подполковник Пенин, в 21 час 30 мин. 3 мая 1945 года

2. Передал — подполковник Васильев — 3.V.1945 г., в 21 час 30 мин.» (Агония и смерть Адольфа Гитлера. Сост. В. К. Виноградов, Я. Ф. Погоний, Н. В. Тепцов. М. 2000. С. 21–22).

²⁰⁴ Правда. 1945. 10 июня. Цит. по: Агония и смерть Адольфа Гитлера. Сост. В. К. Виноградов, Я. Ф. Погоний, Н. В. Тепцов. М. 2000. С. 15.

²⁰⁵ Иногда обслуживающий персонал и сотрудники охраны называли комнату «Большой столовой», поскольку именно здесь Сталин часто собирал гостей. Хозяин, услышав это неофициальное название, всегда переспрашивал: «Где?» И «проштрафившийся» сразу же поправлялся: «В Большом зале».

²⁰⁶ Ильичев Л. Ф. (1906–1990) — в 1938–1940 годах ответственный секретарь журнала «Большевик», в 1940–1944 годах член редколлегии и ответственный секретарь газеты «Правда», в 1944–1946 годах редактор газеты «Известия», в 1948–1949 годах заместитель начальника управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), затем первый заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в 1949–1952 годах первый заместитель главного редактора, главный редактор газеты «Правда», в 1953–1958 годах заведующий отделом печати МИД СССР, в 1958–1961 годах заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам, в 1961–1965 годах секретарь ЦК КПСС, в 1965–1989 годах заместитель министра иностранных дел СССР, с 1989 года советник при МИД СССР.

²⁰⁷ Антонов А. И. (1896–1962) — в 1941–1942 годах начальник штаба Южного, Северо-Кавказского фронтов, затем Черноморской группы войск и Закавказского фронта, в 1942–1943 годах первый заместитель начальника Генерального штаба и начальник оперативного управления, с мая 1943 года первый заместитель начальника Генерального штаба, с февраля 1945 года начальник Генерального штаба, в 1946–1948 годах первый заместитель начальника Генерального штаба, в 1950–1954 годах командующий войсками Закавказского военного

округа, с апреля 1954 года первый заместитель начальника Генерального штаба, с 1955 года начальник штаба Объединенных вооруженных сил государств—участников Варшавского договора.

²⁰⁸ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М. 1968. С. 267–268.

²⁰⁹ Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1992. С. 60–61.

²¹⁰ Впрочем, о том, как Берия и другие сталинские приближенные, подбадриваемые вождем, заставляли напиваться приглашенных на обед, чтобы вызвать их на откровенность, рассказывали и отечественные партийцы, например Чадаев и Ильичев. Маршал Конев считал, что генсек делает это для развлечения, Микоян и другие — для того, чтоб развязались языки.

²¹¹ Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1992. С. 109.

²¹² Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1998. С. 521–522.

²¹³ Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1999. С. 84.

²¹⁴ О том, как располагались гости за обеденным столом, упоминал Джилас. Он также оставил прелюбопытное описание сталинских соратников. Приведем два «портрета» — Берии и Маленкова. Как вы помните, они были первыми, кто приехал к заболевшему вождю по вызову охраны. «Как обычно, около десяти часов вечера мы собрались за столом у Сталина — я приехал вместе с Тито. Во главе стола сел Берия, справа Маленков, затем я и Молотов, потом Андреев и Петрович, а слева Сталин, Тито, Булганин и генерал Антонов, начальник Генерального штаба.

Берия был тоже небольшого роста — в Политбюро у Сталина, наверное, не было людей выше его. Берия тоже был полный зеленовато-бледный, с мягкими влажными ладонями. Когда я увидел его четырехугольные губы и жабий взгляд сквозь пенсне, меня как током ударило — настолько он был похож на Вуйковича, одного из начальников белградской королевской полиции, особым пристрастием которого было мучить коммунистов. Только усилием воли я отогнал от себя неприятное сравнение, напрашивавшиеся на себя так назойливо еще потому, что сходство было не только внешнее, а и в выражении — смесь самоуверенности, насмешливости, чиновничьего раболепия и осторожности.

Маленков был еще более низкорослым и полным, но типичным русским с монгольской примесью — немного рыхлый брюнет с выдающимися скулами. Он казался замкнутым, внимательным человеком без ярко выраженного характера. Под слоями и буграми жира как будто двигался еще один человек, живой и находчивый, с умными и внимательными черными глазами» (Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1992. С. 84).

В уголовном деле Берии сохранилась анкета арестованного. В ней приведен его словесный портрет: «1. Рост — средний. 2. Фигура — полная. 3. Плечи — опущены. 4. Шея — короткая. 5. Цвет глаз — карий. 6. Лоб — прямой. 7. Брови — прямые. 8. Нос — большой. 9. Рот — большой. 10. Губы — толстые. 11. Уши — большие, овальные. 12. Особые приметы — плешивость».

²¹⁵ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М. 1968. С. 301–303.

²¹⁶ Джилас М. Беседы со Сталиным. М. 1992. С. 115.

²¹⁷ Из беседы с Д. Ф. Устиновым в 1977 году. Семейный архив А. Н. Шефова.

²¹⁸ Котин Ж. Я. (1908–1979) — с 1937 года главный конструктор Кировского завода, в 1941–1945 годах главный конструктор танкового завода, заместитель наркома танковой промышленности.

²¹⁹ Дневник наркома. «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти» // Источник. 1997. № 5. С. 118.

²²⁰ Логинов В. Тени Сталина. Генерал Власик и его соратники. М. 2000. С. 122, 128.

²²¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 188.

²²² Горьков Ю. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М. 2002. С. 178.

²²³ См.: Сухомлинов А. В. Кто вы, Лаврентий Берия? М. 2003. С. 110–111.